

З М А Т Ъ Я Н А Д И Н Г Е Р

Соль и пламя
ЛЕДИ ТЕНЕЙ

Annotation

Сольд — слабейшая из рода, изгнанная родительницей и академией, самоучка, дурная кровь. Она была в шаге от смерти, но лорд Пограничья подарил ей жизнь, взамен потребовав одного: стать его женой. Ей придется доказать не только супругу, но и целому миру — она достойна именоваться истинной леди Теней.

Татьяна Зингер

Соль и пламя. Леди теней

© Т. Зингер, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

В город, пропахший тухлой рыбой, корабль прибыл к полудню. Солнце покрывало соломенные крыши рыжей краской. Порт шумел, гомонил, ругался на разных диалектах и языках. Я ступила на трап, и за моей спиной стелились туманы.

— Госпожа, позвольте, — молоденький морячок, совсем мальчик, протянул ладонь, помогая спуститься на твердую землю. Истинная леди отказалась бы касаться чужака, но во мне не было ни капли истинности.

— Благодарю.

Туманные змеи обвили мои запястья, стряхивая прикосновение. Морячок сглотнул ком в горле. Туманов он не видел, но почувствовал их присутствие.

Я, слабейшая из рода, изгнанная родительницей и академией, самоучка, дурная кровь, приехала на Острова Надежды, чтобы отдать долги. Темные волосы были перевязаны лентой; простое платье в пол и перчатки до локтей — неприметный образ, словно у аристократки, выбравшейся на прогулку в город.

Свободный извозчик караулил у первого же ресторанчика.

— Дом Шата, — сказала я, усаживаясь в повозку.

Этот островной город был обречен на вымирание. Он издыхал и вонял разложением. Здесь ютились отбросы общества, те, кому на Большой земле не нашлось места. Посреди улиц подыхали рабы, пытавшиеся сбежать от хозяев, но пойманные ими. Их запирали в клетках, оставляя без питья и пищи, обрекая на мучительную смерть. Исполосованные спины гноились, вокруг живых мертвецов роились мухи.

Меня тошнило от здешних мест, и даже сейчас я прикрывала нос надушенным платком.

— Приехали! — крикнул извозчик.

Расплатившись и попросив дождаться моего возвращения, я ступила на брусчатку. Некогда богатый дом застыл мрачной громадиной. Краска на его стенах облупилась, покосилась крыша. Здесь продавали обычных рабов: не магов и не экзотов, поэтому дом Шата был непопулярен и едва сводил концы с концами.

Я постучалась. На пороге появился управляющий, лысый и высокий. Он скользнул придирчивым взглядом по моей одежде, но остался доволен увиденным.

— Госпожа...

— Сольд Рене, — учтиво отозвалась я, ступая за порог.

— Госпожа Рене, вам назначено?

— Я хочу купить раба либо узнать, кому он был продан, — и добавила, постучав по поясной сумке: — Меня не пугает любая цена.

Глаза управляющего зажглись алчным блеском. Он попытался взять меня под локоток, но я отстранилась.

— Госпожа, а зачем вам купленный раб? Давайте выберем другого! Вас интересует какой-то конкретный сорт? У нас есть поступления с южных земель. Или, может, северный рынди — очень выносливый экземпляр с прекрасной регенерацией. Незаменим как в домашних, так и ратных делах.

Мы шли по узкому коридору, ведущему к подвальным помещениям. Дом разваливался, по стенам ползли трещины. И запах: страданий, боли и безысходности. Он разъедал ноздри.

— Мне нужен один-единственный раб, его имя — Дарго.

Управляющий остановился, пытаясь вспомнить, о ком речь.

— Человек, северянин, лет двадцать, светловолосый, — кратко описала я.

— Увы. — Управляющий развел руками. — У нас таких много, и по именам я их не различаю.

А возможно, он умер от болезни, или недоедания, или побоев. В сердце болезненно кольнуло. Я поджала губы и глянула на управляющего с плохо скрываемым раздражением. Туманы начали обвиваться вокруг его шеи. В блеклых глазах появился испуг.

— Не гадайте, а поднимите архивные записи. Полгода назад он был в вашем ведении.

— Пройдемте в мой кабинет. — Управляющий указал рукой на неприметную дверь с позолоченной табличкой и залебезил: — Распорядиться о напитках?

— Благодарю, нет.

Пока я сидела, изучая собственные ногти, управляющий суетился, гонял служанку в рабском ошейнике и просил принести ему записи за шесть месяцев. Просматривал их, качал головой и кричал на служанку вновь.

— Есть! — воскликнул и ткнул тонким пальцем в строчку. — Господин Розеншал, для личных целей, четыре месяца назад.

Он замялся.

— Продолжайте. — Я положила на стол один золотой.

— Думаю, он увез его в Янг. Господин Розеншал — светило столичной науки, долгое время набирал рабынь из молодых помесков. Теперь, видимо, ему понадобилась чистокровная мужская особь.

Глаза защищало от дурного предчувствия. Эта поездка, возвращение сюда — все зря. Дарго либо уже умер, либо доживает последние дни, будучи подопытным кроликом у какого-то ученого. Бесы!

Туманы погладили по голове, дескать, успокойся. Я стряхнула их. О каком спокойствии может идти речь, если я обещала приехать за Дарго, но предала его?

Повозка везла меня обратно в порт. Ближайший корабль до столицы отплывал через час, и я должна была успеть на него взойти. Глаза чесались от подступающих слез. Когда-то я обещала себе не плакать, но сейчас была готова разреветься. Ничего. Дарго, я спасу тебя. А заодно наведаюсь в столичную академию, коль уж все равно придется остановиться в тех местах. То-то порадуются тамошние преподаватели, завидев бывшую ученицу.

* * *

За плавание на уродливой развалюхе, именуемой кораблем, капитан содрал с меня целое состояние. Я без раздумий согласилась (следующее судно до столицы отправлялось только через три дня) и, расположившись в личной каюте, уставленной бочками, задумалась: чем заняться по прибытии? Нельзя соваться напрямик к Розеншалу — если он почувствует за мной тени, проблем не оберусь. Да и кем я представлюсь? «Девушка, возжелавшая купить вашего раба»? Он поднимет меня на смех и будет прав. Перед тем, как напрашиваться в гости, нужно разведать обстановку. Хорошо, что в Янге есть академия чародейства и знахарств. Разузнаю через нее, кто такой Розеншал и стоит ли его опасаться.

К вечеру я вышла на палубу, вдохнула полной грудью соленого воздуха. Залюбовалась неровной линией горизонта. В сиреновом предзакатном небе проплывали облака. Над водой

застыло безмолвие. Мои личные туманы укутали плечи прозрачной шалью.

— Не бойтесь, не замерзну, — пробормотала я, но шаль не исчезла.

Сзади донеслось цоканье, и я невольно оглянулась, чтобы рассмотреть ту, которая отправилась в дальнейшее путешествие на каблуках. Девушка, беловолосая и невероятно притягательная, что с картинки, застыла по правую руку.

— Плавание такое утомительное, — сказала, ни к кому не обращаясь. По всему выходило, что отвечать придется мне.

— Пожалуй.

— Линель.

Она протянула хрупкую ладошку.

— Сольд, — равнодушно ответила я.

— Как тебе капитан? — Линель склонилась ко мне для доверительного шепота. — Красавчик, коих свет не видывал!

Я пожала плечами, мол, не заглядываюсь. Обычный капитан, ни возрастом, ни мускулатурой, ни внешностью он не был мне симпатичен. Но Линель облизнулась как всякая изголодавшаяся по мужскому телу соблазнительница.

— Гарантируй, что не станешь мне соперницей, теневая дева. — Она заулыбалась, и я даже в сумерках рассмотрела, каким голодным блеском сверкают ее глаза. Походка от бедра, плавные движения, голос с придыханием, а особенно глубокий вырез на платье, через который проглядывался чулок, — все выдавало в ней продажную девицу. Дорогую, из так называемой элиты, но все же блудницу.

— Он в полном твоём распоряжении.

Удивительно, что Линель унюхала мою причастность к расе теней — редкому существу удается почуять мерзлый дух Пограничья.

— Хочешь выпить? — предложила она. — У меня завалилась бутылочка отличного виски, припасенная специально для долгого странствия.

Наверное, стоило отказаться, но одиночество особо сильно сдавило грудь — и я кивнула. Вскоре мы сидели в ее каюте, как две капли воды похожей на мою, и, за неимением посуды, пили виски прямо из горла, закусывая вяленой говядиной.

— Куда путь держишь, красота? — лениво спросила Линель. — Просто побродить по Янгу али с конкретной целью?

— Второе. — Я покрутила бутылку, вчитываясь в этикетку. Вкус у напитка был незнакомо-сладковатый со слабой нотой травяной горечи. Но никаких особых символов о крае изготовления найти не удалось — типичный виски с Островов Надежды.

— Ну и скукота! Я к ней со всей душой, бутылку не пожадничала, а она нос воротит. Вот я, к примеру, еду на смотрины. Некий Ринальд — слыхала о таком? — разыскивает невесту.

Я расхохоталась в голос, чуть не подавившись куском мяса.

— Кто же тебя возьмет в жены? Профессия, знаешь ли, накладывает соответствующий отпечаток.

— Ну, не в жены, так тайной возлюбленной. Которой, как известно, даров подносят больше, нежели законной супруге. — Линель кокетливо поправила локон и выхватила у меня бутылку. — А ты, когда разделаешься с делами, можешь присоединиться к смотринам, они будут проходить всю неделю. Спорим, меня оценят выше?

Но я покачала головой.

— Уже помолвлена.

— Ну и где твоё кольцо? — В синих глазах появилось неверие.

Я стянула перчатку с левой руки, и на коже проступила багряная руна, оплетающая запястье и ладонь замысловатыми узорами. Линель долго рассматривала рисунок, а после раздосадованно цокнула.

— Я-то думала, ты из тех краев, а ты нареченная лорда... бедняжка...

Не стала с ней спорить, хотя сама так не считала. Да, поначалу моё положение казалось безвыходным, но после я признала очевидные достоинства обручения с высоким лордом Пограничья. Взять, к примеру, оберегающие туманы, подаренные им на помолвку, — занятная штукавина.

Мы немного поговорили о столице и том самом Ринальде, о котором я, кажется, слышала — богатый, но глуповатый маменькин сынок. И смотрины эти не ему нужны, но его матушке, которая не хочет отдавать своё чадо в абы какие руки. Линель разом поскуцнела и даже призналась, что, возможно, от смотринов откажется. Бутылка быстро опустела, но пьяными мы себя не чувствовали. Ноги держали, голова была ясна. Занятное пойло; обычно мне достаточно пяти глотков, чтобы перед глазами плыло.

— А где ты взяла виски? — Я вновь всмотрелась в символы на стекле.

— Меня им поклонник на корабле угостил. — Линель хихикнула. — Как мужчина так себе, но в качестве дарителя сойдет. Я решила, что грех напиваться в одиночку, но все тут какие-то унылые. Одна ты выделялась, этакая каменная дева, неприступная и безразличная ко всему. — Она подмигнула мне. — Кстати, ты сама откуда будешь, черты у тебя необычные?

Да уж, когда в ребенке намешано столько, сколько во мне, — получится самая причудливая смесь. Моя матушка чистокровная ави, одна из сильнейших ведьм в нашем поколении. От нее мне достались бледная кожа, темные, почти черные, волосы, стройность, граничащая с худобой, и огромные наивные глаза (что, между прочим, всегда раздражало, ибо меня считали дурехой и никогда не воспринимали всерьез). От отца, получеловека-полурынди — высокий рост, прекрасный нюх и дурной нрав. Конечно, типичной вспыльчивостью северной расы я не обладала, но и тихоней никогда не слыла. Обычно предпочитала в глаза смолчать, а после сделать по-своему.

— Моя мать — ави, — сказала я, не желая вспоминать об отце.

— О, так ты ведьма? — Линель принялась. — А по запаху и не скажешь.

— Потому что я полукровка, магического резерва во мне не наберется и грамма.

— Правда? Жа-алко.

Линель протяжно зевнула. Внезапно и мне захотелось спать, да так сильно, что я чуть не завалилась на бок. Пришлось собрать все силы и, пожелав спокойной ночи, пойти к себе, опираясь на стенку. Все-таки алкоголь действовал, хоть и с запозданием.

Мне ничего не снилось, что удивляло, ведь перед самым отъездом Трауш предупредил:

— Я буду навещать тебя во снах.

Не знаю, как он это проделывал, но каждую ночь я оказывалась в одной из комнат поместья, дышала морозным воздухом Пограничья и видела будущего мужа. Сны были невероятно реалистичными, я помню каждую фразу, сказанную Траушем, помню полынный запах его тела. Но сегодня перед глазами плыла чернеющая пустота, и, признаться, мне стало не по себе.

Я проснулась, когда солнце вошло над горизонтом, с пустой головой и чувством дикого похмелья. Корабль качнуло, а меня чуть не вывернуло на дощатый пол. Чуть позже,

склонившись над тихими морскими водами, я выплескивала из себя не только вчерашний ужин, но и, казалось, легкие. Вот так виски!

В самых расстроенных чувствах я постучалась к Линель, чтобы высказать ей все, что думаю про вчерашнюю пьянку, а заодно забрать забытую перчатку (приходилось прятать руку в складках платья), но из каюты не раздалось ни звука. Прекрасно! Спит без задних ног, пока я мучаюсь и головой, и животом одновременно. Малочисленные путешественники, выбравшиеся насладиться солнечной погодой, посматривали на меня с сожалением. Кто-то даже протянул флягу с пресной водой, но я помотала головой.

Мучения длились целый день, а когда утихли, я вновь двинула к Линель. Тишина. Странно, неужели до сих пор не проснулась? Или уже очухалась и развлекается где-нибудь с капитаном корабля? Но нет, капитан стоял на мостике, всматриваясь в бескрайний горизонт. Подумав, я воротилась в свою каюту и достала из сумки набор отмычек, купленный незадолго до отъезда из Пограничья. Все-таки перчатку нужно забрать, иначе кто-нибудь да рассмотрит руну на запястье и неизвестно, как отреагирует. Расу теней любили далеко не все, даже наоборот — большинство их боялось, а меньшинство презирало.

Замок щелкнул. Внутри ничего не изменилось, даже бутылка лежала там, где я ее оставила — прикрытая соломенной подушкой. И запах стоял вязкий, едкий. Воняло отголоском чьего-то немытого тела. Это заставило насторожиться. Я обошла каюту и поняла: вещей Линель нет. Ни одной, а вчера у стены стояла громоздкая сумка. Моей перчатки тоже не обнаружилось. Итак, что звучит правдоподобнее: Линель выбросилась в воду вместе с одеждой или открыла портал посреди моря, что невозможно из-за качки, и перенеслась куда подальше, прихватив мою перчатку? А может, попросту переехала к очередному кавалеру и, чтобы не мотаться на два «дома», перенесла вещи к нему? Нет, тоже бред.

Думай, гудящая голова.

Я взяла бутылку и всмотрелась в остатки янтарной жидкости. Втянула носом аромат у горлышка. И только теперь почувствовала кислую нотку, которой вчера не было. Так пахнет дурман-трава на второй день после подмешивания в жидкость. Так вот откуда сны без снов и отвратное состояние поутру! Нас опоили! А где Линель? Ее похитили? Но кто? И почему похититель не замел все следы?

Я прикрыла дверь и огляделась тщательнее. Ни следов борьбы, ни пятен крови — Линель попросту унесли спящей. Что ж, далеко она не делась, но лучше мне узнать, к кому конкретно ломиться.

Шаги я скорее не слышала, а почувствовала интуицией. В замочную скважину вставили ключ. Сейчас таинственный похититель (вряд ли снаружи гулена Линель) поймет, что дверь открыта, а потом увидит меня...

Мамочки!

Не раздумывая ни секунды, я прыгнула в открытую бочку, сверху надвинула крышку. По каюте ходил мужчина, и именно аромат, исходящий от него, был до тошноты омерзительным. Тяжелый неторопливый шаг, шумное дыхание. Я сидела, согнувшись в три погибели, и молила всех богов, чтобы он не подумал посмотреть содержимое неплотно прикрытой бочки. Туманы вокруг ощерились, готовые напасть на обидчика.

Бутылка звякнула — наверное, поднял. Мужчина прошелся взад-вперед, с оханьем опустился на пол, затих. А затем ушел, закрыв дверь на ключ.

Я вылезла. В сердце стучало десятком молоточков. Еле справившись с дрожью и вскрыв замок, я побежала на мостик просить о помощи, но капитан не проникся интересом к

случившемуся.

— С чего вы взяли, что ваша подруга пропала? — меланхолично спросил он, почесав ямочку на подбородке.

— Ее нет целый день.

— Мало ли куда упорхнула красивая женщина? — он похабно подмигнул. — Красавица, не выдумывайте ерунды, а лучше расслабьтесь. Нас ждет долгое плавание.

— Я заплачу.

В глазах появилось понимание. Как все-таки легко деньги помогают установить контакт между, казалось бы, совершенно разными людьми.

— Обещаю что-нибудь предпринять, не волнуйтесь. — Капитан приобнял меня за талию, но я вывернулась. — С вашей беглянкой наверняка все в порядке.

Мне бы его уверенность. Зачем кому-то понадобилась продажная девица, коих множество в любом доме утех столицы?

— Идите спать, госпожа, — заключил капитан. — Мы под каким-нибудь предлогом прочешем корабль снизу доверху, а утром сообщим вам обо всем подозрительном, что найдем.

Не то чтобы я ему поверила, но смирилась. В каюте, упав на колкую лежанку, я долго ворочалась и все-таки забылась болезненным сном.

* * *

Стены парадной залы покрылись коркой инея, причудливые узоры изрисовали окна и потолок, переплетаясь тончайшими ледяными нитями. Дыхание замерзло, и я, стоящая в одном платье, чувствовала, как оледеневаю изнутри.

— Зачем же ты прячешься от меня, глупая девчонка? — услышала за спиной насмешливое.

Бесшумно, точно не касаясь пола, Трауш пересек расстояние, разделяющее нас. Сильные руки обхватили талию в кольцо, не позволяя вырваться. Холодные губы коснулись мочки уха.

— Твое время скоро иссякнет.

Указательный палец тронул непослушную прядь волос.

— Я устал дожидаться тебя, Сольд.

— Прости...

— Молчи, — усмехнулся Трауш. — Ненавижу выслушивать оправдания.

Внезапно он замер, словно хищник перед атакой, прижал к себе так сильно, что я не сдержала стона.

— Просыпайся! — не просьба, но приказ.

И вытолкнул меня из моего собственного сна.

* * *

Лучше бы сновидение не кончалось. Никакой холод не сравнится с ощущением, когда на горле смыкаются пальцы, и воздух, такой необходимый, внезапно кончается. Я захрипела.

— Тихо-тихо, — шепнул кто-то надломленным голосом. — Не рыпайся и умрешь

быстро.

После этих слов я забрыкалась куда активнее. Туманы замолотили по обидчику градом, но тот отмахнулся от них, как от дуновения ветра. Перед глазами поплыло. Сердце замедлило бег. Удар, второй. До третьего я рисковала не дожить. Реальность отдалялась, в ушах морским прибоем шумела кровь.

Нет, нет и нет! Не ради того я прошла весь путь длиной в полгода, не для того выкарабкалась с того света, чтобы умереть задушенной на вонючей лежанке корабля.

В этот бросок я вложила все силы и скорее не повалила похитителя Линель (ну а кто это мог быть?) на пол, а кулем навалилась на него сверху. Секундное замешательство, за которое умудрилась нащупать на полу скинутый сапог и ударить им.

— Тварь!

Следующий неловкий удар пришелся в пах. Разъяренный от боли похититель скинул меня с себя как пушинку, заломил руки за спину. Наши взгляды встретились всего на секунду, но я успела установить зрительный контакт.

Трауш твердил, что умелый повелитель туманов способен довести жертву до беспамятства, лишит ее рассудка. Но мои туманы приобретенные, и управлять ими я толком не научилась. Только бы не ошибиться!

Туманный зверь скользнул по мужскому телу, забрался в нос, заплелся в волосах. Получилось! Человек мотнул головой, глянув на меня по-новому, и ослабил хват, а затем и вовсе отскочил в сторонку.

Все-таки быть мне достойной повелительницей.

— С вами все в порядке?! — спросил испуганно.

Голос сорвался на хрип, но я выдавила:

— Где Линель?

— Линель? Я не... она... кажется, она у меня в каюте, — с сомнением пробубнил похититель.

— Отведи меня туда.

Пока туманы воздействовали на его рассудок, он был безвреден, но любое неловкое движение могло разрушить связь, поэтому я старалась идти предельно медленно. Мы вышли на безмолвную палубу, освещаемую желтоглазой луной, в свете которой я разглядела похитителя: совсем молоденький, вчерашний юнец, кожа прыщавая, волосы сальные. И запах... нет, даже не запах — душок.

Он открыл дверь, та от порыва ветра стукнулась о стену. Связанная Линель, вполне живая, разве что до забытья накачанная какими-то зельями, лежала в бочке, похожей на ту, где я пряталась. Она не проснулась, даже когда я вывалила ее наружу. А когда ударила по щеке — лишь простонала. Всего несколько минут, и туманы в голове юнца растают, а значит, времени почти не осталось.

Второй удар я отвесила с куда большей мощью, даже нечаянно рассекла губу пленницы. Линель, распахнув веки, жалобно ойкнула.

— Что я... что ты...

— Жить хочешь?

Она непонимающе кивнула.

— Тогда вставай!

На негнущихся ногах Линель сделала два шага и чуть не рухнула прямо в объятия похитителя. Пришлось подхватить ее под руки и тащить волоком. Дверь в свою каюту я

забаррикадировала и только тогда взялась объяснять, что произошло. Линель без труда узнала в описании прыщавого юнца своего давешнего поклонника, так щедро поделившегося с ней виски.

— Но зачем ему я? — спросила и всхлипнула, начала ощупывать себя на предмет увечий. — Из-за того, что отказала в свидании? Так он не в моем вкусе, мы же объяснились...

Я пожала плечами.

— Можешь спросить его при встрече. Хочешь, организуем прямо сейчас?

Не хотела.

— Тогда я иду к капитану, а ты сиди здесь. — Линель протестующе замахала руками, но я не стала слушать возражения. — Заблокируй ход бочками и открывай на три стука.

Сказать, что капитан был шокирован — практически промолчать. Для начала он, конечно, с помощью матросов связал юного похитителя и запер его в трюме (предварительно избив до полусмерти, чего я, в общем-то, не просила), а следом долго извинялся и клялся, что, дескать, осмотрел все, да ничего дельного не нашел. Что-то я ему не поверила: наверняка юнец приплатил плутоватому капитану или собирался заплатить позже — как-то же он должен был вынести Линель с корабля. В любом случае, он будет осужден по законам Янга.

Линель отворила дверь только после того, как я назвалась полным именем и сообщила, что опасность ей не угрожает. Ну и постучала трижды, разумеется.

— Ужас! Меня никогда не воровали. — Между тем хитрые глаза блеснули гордостью. Истинная женщина, себялюбивая до невозможности, даже похищение рассматривала со стороны любования собой, ведь плохих-то не похищают.

Я устало опустилась на край кровати.

— Ну, с почином тебя.

— Ага. Итак, теневая леди, расскажи-ка о своих чудесных способностях. — Линель хлопнула в ладоши. — Как понимаю, лорд Пограничья обучил тебя запутывать разум людей?

— Это можно назвать свадебным подарком, но, честно говоря, о возможности подчинения я лишь смутно догадывалась.

И машинально коснулась туманного облака пальцами. Когда на наших ладонях с Траушем выплелись руны (моя алая — что кровь, его черная — как сама ночь), он пообещал оберегать меня от самой себя.

— Своеобразная штуковина, я, к примеру, больше люблю побрякушки. Но чего ожидать от теневых чудил? Не тебе в обиду! — Линель помотала рыжими кудрями.

— Да я и не обижаюсь. Дело в другом: мой жених виртуозно владеет туманами. — Не совсем правда: на меня внушение почему-то не действовало. — Но ведь я — помесок, причем никак не относящийся к расе теней. Туманы не должны слушаться чужачку. Но они... приняли меня, что ли.

Мы помолчали, каждая думая о своем.

— Слушай, а каково быть *его* невестой?

Линель понизила голос до полусшепота.

— Как будто за твоей спиной всегда кто-то есть.

И ощущение присутствия не покидало даже во сне. Он смотрит, он изучает, он бдит.

Она поежилась.

— Несчастливая, все-таки лучше бы дарил, как любой нормальный богатей,

драгоценности. Поддай ему такую идею, а?

— Всенепременно.

И я расхохоталась, вмещая в этот полубезумный смех весь страх от пережитого, всю боль и все надежды на то, что нам суждено разделить будущее на двоих.

* * *

Столица встретила нас заунывным ветром и колкой моросью, летящей в лицо. Я накинула на волосы капюшон плаща, глянула в безжизненно-серое небо. Ну, здравствуй, родимый город, ты, как всегда, недоброжелателен.

— Сольд, помни, я твоя вечная должница и сделаю все, о чем ты попросишь. — На прощанье Линель коснулась моей руки, затянутой в перчатку.

Я, как никто, знала, сколь опасны долговременные клятвы, — судьба непременно будет сталкивать нас вновь и вновь, заставляя отдавать друг другу долги. Нет ничего хуже обещания, которое не сможешь выполнить, — поэтому лучше его не принимать.

— Пришли мне какую-нибудь безделушку. Иной благодарности я не приму. Договорились?

Ну какой девушке неприятна симпатичная побрякушка, да еще от благодарного дарителя?

— Разумеется!

И она порывисто обняла меня, словно за неделю плавания мы из попутчиц превратились в закадычных подруг.

Линель уехала искать недорогой постоялый двор, чтобы отоспаться да помыться перед смотринами, а я тупо пялилась на устремившийся ввысь дом из гранита, смотрящий с вершины холма на остальные домишки, как строгий надзиратель. Он был виден из любой точки Янга. Мне — туда.

Спустя два часа изнурительной езды по узеньким улочкам (столица росла, ширилась, а дороги все ужимались) я оказалась у ворот академии чародейства и знахарств. Переливающиеся радугой флажки, сотворенные колдовством, трепетали под порывами ветра. Неизменная растяжка «Преклони свое колено, странник, ибо тут был заложен первый камень Валонии» блестела в солнечных лучах сусальным золотом.

Скучающий привратник лениво преградил дорогу алебардой. Его едва осязаемая магия ощупывала мои эмоции: о чем я думаю, причину ли вред стенам или обитателям академии.

Непрременно. Неспроста Сольд с языка ави — «разрушение».

— Вам назначено?

— Назовите светлому декану Иттану Берку имя Сольд Рене.

Он, кивнув, прикрыл веки. Телепатия — незаменимая вещь, когда нужно быстро и качественно донести информацию. Она подвластна далеко не каждому колдуну и делится на два вида: звуковая и эмоциональная, то есть передающаяся или словами, или чувствами. Вторым овладеть легче, но первое выше ценится. В академии есть специальный факультет, обучающий телепатов, — и конкурс на место там просто огромен. Все потому, что эта профессия невероятно востребована: в любой крупной конторе мира не обойдется без парочки телепатов.

— Проходите. — Привратник убрал алебарду.

Ворота распахнулись сами, без скрипа, без единого звука. Выпрямившись так, что хрустнуло в позвоночнике, я шагнула во внутренний двор академии. На душе было тяжело и дымно.

Меня встретила замогильная тишина и непривычная пустота. Никто из адептов не наслаждался погожим утром с книжкой в руках, не сидел на мраморных скамейках у круглого фонтана, не гонялся, атакуя друг дружку пустяковыми заклинаниями. Мне стало не по себе.

Семиэтажный студенческий корпус, выше которого не было во всей стране, вызывал священный трепет у любого первокурсника. В его подвалах-лабиринтах призывали нечисть и боролись с нею же, с астрономической башни рассматривали звезды, в ходах и выходах можно было запутаться и потеряться на неделю-другую. Поговаривали, что раз в десятилетие коридоры самостоятельно перестраивались, поэтому до сих пор не было нарисовано подробной карты академии.

Его нутро ничуть не изменилось за годы: все тот же алый ковер, стелющийся по полу, те же портреты архимагов в позолоченных рамах, увитые плющом стены. Под потолком в жирандолях трепетало пламя сотен свечей. Мне попадались редкие студенты, но какие-то зашуганные, старающиеся скорее улизнуть куда подальше. Тревога усиливалась.

Каждому факультету (а всего их было шесть) выделялся этаж, и, насколько я помню, светлому декану достался третий. Я долго отстукивала каблуками эхо, пока не набрела на дверь, табличка на которой была инкрустирована драгоценными камнями. Стучаться не стала, по-свойски вломилась внутрь.

— Здравствуйте, госпожа Рене. — Светлый декан отвесил шутливый полупоклон.

Он поднялся с обитого бархатом кресла и шагнул ко мне, а после сдвинул в поистине медвежьих объятиях. Я пискнула. Иттан отошел на шаг назад, склонив голову, и задумчиво оглядел меня сверху донизу.

— Тени? — с удивлением спросил он.

— Обо всем по порядку, — ответила я, усаживаясь на диванчик для гостей. — Угостишь кофе?

Иттан задумался, посылая телепатический сигнал, и спустя пять минут к нам примчалась молоденькая секретарша-помесок, одетая в облегающее платье, едва прикрывающее бедра, которая расставила на хрустальном столике кружки, молочник и чайник с ароматным кофе цвета самой тьмы. Все это время мы молчали. Точнее — разговаривали друг с другом взглядами.

«Ты сбрендил?» — читалось во взгляде Иттана.

«Почти», — ехидно отвечали мои глаза.

«Ты обо всем мне поведаешь».

«Непременно».

Кабинет был под стать хозяину: роскошный и изящный, выдержанный в строгих тонах, без единой капли легкомысленности. У окна стоял стол из мореного дерева, заваленный бумагами. Посреди высились весы из серебра, обе чаши которых, белая и черная, пребывали в равновесии. К западной стене пристроился шкаф из хрусталя, его полки были забиты старинными книгами. У восточной находился диванчик, на котором сидели мы.

Иттан заговорил лишь в тот момент, когда разлил кофе по миниатюрным чашечкам:

— Госпожа, с чем пожаловали в наши негостеприимные края?

Я хмыкнула, помешивая сахар. В аристократических кругах считалось, что пить

дорогущий напиток, приправленный сладостью, — издевательство над благородным напитком, но иначе я не любила. Горечи предостаточно и в жизни, так зачем терпеть ее в кофе?

— Тебе о чем-нибудь говорит имя Розеншал?

Иттан нахмурился. Ему, голубоглазому блондину, чистейшему человеку без единой примеси (дикая редкость в условиях, когда все расы смешались меж собой), графу в десятом поколении, это не шло.

— Совсем немного. Сильнейший темный колдун, ему предлагали должность преподавателя академии. Разумеется, он отказался. Слухи о господине Розеншале ходят самые разные, но радушным и гостеприимным этого человека не назвать. Скорее — скрытным донельзя. Поговаривали даже об увлечении некромантией, но дальше обвинений дело не зашло. Наши поисковики не засекали призыва мертвых. Тебя с ним что-то связывает?

— Возможно.

Я отпила глоток, наслаждаясь тем, как обжигающий кофе маслянистой каплей скатывается по горлу. Иттан склонился ко мне почти вплотную.

— Говори, Сольд.

— Он приобрел крайне необходимого мне раба, а я обязана выкупить того.

Ясное дело, Иттан не понимал ничегошеньки из сказанного, ведь он не догадывался о моей жизни после изгнания. А вот я жадно следила за газетными статьями о назначении самого молодого декана в истории академии, о его успехах и провалах, о возрождении почти мертвого факультета света (в современных условиях маги, способные навести порчу, оплачивались куда выше тех, кто мог ее снять).

— Начинай с самого начала. И не забудь поведать о том, откуда на твоём запястье обручальная руна.

В голосе зазвенел холодок обиды, и я заговорила кратко, но обо всем по порядку. Нам понадобился целый час, чтобы обсудить мою жизнь от момента позорного изгнания из академии до приезда в Янг.

С Иттаном я познакомилась на десятом году жизни. Мы были похожи во всем, кроме одного: Иттан с младенчества проявлял невероятную тягу к магии, меня же боги наградили почти нулевым резервом. Зачем такую, как я, отправили учиться? Когда твоя родительница занимает высокий пост, у тебя нет иного выбора. Мать бы засмеяли, разув, что ее дочь ничтожна, поэтому я поступила на факультет магического ремесла, чтобы получить минимальные знания, развить скудные способности и обучиться какому-нибудь занятию, отдаленно связанному с колдовством.

Так вот, третьекурсник Иттан с первых дней взял надо мной шефство. Он помогал с домашними заданиями и практикой, делился своим резервом, наполняя мой, огрызался на тех, кто имел наглость назвать меня пустышкой. Мы были друзьями, и я надеюсь, что так оно и осталось.

— Из всего произошедшего ясно одно: ты лезешь во что-то крайне нехорошее, — попытожил Иттан. — Начиная от обручения, свершенного без твоего согласия, и заканчивая поиском раба. Уезжала бы ты отсюда, Сольд. Если вопрос в деньгах — я найду сколько угодно золота.

— А куда я денусь? — Губ коснулась усмешка. — Где меня не отыщут тени?

Когда я (в первый и последний раз) сбежала от Трауша — ему понадобилось всего несколько часов, чтобы разыскать меня и притащить обратно в поместье, служащее мне

тюремной клеткой.

— Придумаем! — Он сжал кулаки.

— Иттан, пожалуйста, прекрати. Я не прошу направить меня на путь истинный, лишь помочь информацией.

Его кивок получился вымученным.

— Я добуду тебе сведения о Розеншале, но обещай не соваться к нему, предварительно не обсудив план действий со мной. Что до твоего лорда...

Я приложила палец к губам.

— Забудь. Расскажи лучше, как вы тут поживаете? Почему адепты стали такие скрытные, где бывшие разгильдяи с факультета света? Ты держишь их в ежовых рукавицах?

Я гаденько хихикнула, но, заметив, как понурился Иттан, вмиг посерьезнела.

— С нашими студентами происходит неладное, за два месяца семеро лишились сил.

— Но как?!

По грудной клетке расползся морозец. Иттан вздохнул.

— Мы сами не понимаем, но симптомы те же, что у тебя. В один момент — полное бессилие. Одна девочка, подающий надежды целитель, еще вчера залечивала чужие раны, а сегодня не способна регенерировать даже свои царапины. Весы правосудия склонились к отчислению. — Иттан с неприязнью посмотрел на черно-белые весы.

Когда-то именно они уронили черную чашу к подставке, что означало — я изгнана.

— И что будешь делать?

— По правилам — отчислять, но не семерых же. Пока они живут здесь, а высшее руководство уже намекает, что жалость — худшее качество декана. — Он запустил пальцы в волосы. — Это катастрофа! Студенты в панике, все подозревают друг друга в чернокнижье или высасывании резерва, коллективный дух рухнул. А самое страшное, что все семеро обучались на моем факультете.

Не только страшно, но и подозрительно. Да, бывало, что маг исчерпывал запас (как было со мной), но это исключение из правил. Семь исключений на один факультет? Многовато.

— Вы проверяли комнаты? — Я начала крутить в пальцах ложку, чтобы сосредоточиться. — Возможно, наложено проклятие? Все как прежде?

Кажется, он возмутился. Ну да, подвергла сомнению качество проверки лучших поисковиков страны. И все-таки случилось такое, что вещь, незаметную глазу архимага, мог обнаружить любой старшекурсник.

— Мы обшарили замок, разобрали по кирпичику залы, перекопали двор, выкорчевали все деревья, перетягивающие энергию, и переплавили три сотни амулетов. В глазах половины академии я выгляжу чокнувшимся.

Неудивительно. Странно, как ему еще не пригрозили отстранением от обязанностей. Или пригрозили, просто Иттан постеснялся мне рассказать?

— А если... — начала я, но закончить помешал стук в дверь.

— Войдите, — устало отозвался Иттан.

— Господин светлый декан, у вас на десять утра назначена встреча, — не сказала — пропела юная секретарша, стрельнув глазками в сторону графа.

Иттан кивнул.

— Прости, Сольд, мне пора идти.

— Ничего страшного, — я улыбнулась. — Последняя просьба. Могу я остановиться где-

нибудь в академии? К матушке ехать как-то не хочется.

— Без проблем! — Иттан глянул на застывшую в дверях секретаршу. — Приготовьте нашей гостье спальню. Сольд, если что понадобится — зови. В пределах спального корпуса разрешена любая телепатическая магия. — И тут, додумавшись, что и кому сказал, Иттан поправился: — Точнее — я прикажу приставить к тебе личного слугу.

Но я отмахнулась.

— Не стоит. Где столовая, я прекрасно помню и дойду до нее сама. Что до остального — справлюсь.

Грациозная (на мой взгляд, даже слишком; как она не падала на высоченных каблуках, и кто вообще позволил носить каблуки в пределах академии?) секретарша повела меня по путаным коридорам к комнате, и как я ни старалась завести ненавязчивый разговор, натыкалась на стену молчания. Кроме «как вам будет угодно», «да», «нет», «простите, вам лучше спросить об этом у господина светлого декана», я ничего не услышала.

Спальня была обставлена аскетично: грубо выструганные кровать, стол, стул, одностворчатый шкаф — вот и все убранство. Ни тебе милых штор с рюшками, ни картин, ни амулетов у изголовья кровати. Разве что на столе имелась кипа чистой бумаги и писчие принадлежности.

— Куда прикажете отправить слугу за вашими вещами? — не переступая порога, уточнила секретарша.

— Я путешествую налегке. — По правде, за несколько недель пути одежда окончательно истрепалась, и, думаю, запах я источала малоаппетитный. Впрочем, у меня есть деньги, почему бы не опустошить лавки столицы, прикупив себе милых сердцу безделиц? Так сказать, пора бы воспользоваться статусом невесты лорда.

— Хорошо. Если вы разрешите, я пойду. — Секретарша глянула исподлобья.

Я пожалала плечами. Ее недовольство было каким-то детским, наигранным. Чем ей не угодила гостья светлого декана? Попахивало бессмысленным соперничеством, принимать участие в котором я не собиралась, потому разделась и плюхнулась в кровать мешком. Туманы обвилились вокруг пальцев, свернулись клубочком и затихли, мурлыча в ухо, точно котятка.

* * *

В разожженном камине весело потрескивали поленья. Я присела к самому огню, грея замерзшие ладони. Рыжеватые, что лисы, языки потянулись к рукам. Жар опаливал щеки. Стены залы рыдали навзрыд, пока с них стекала ледяная корка. Живое пламя в поместье лорда — редкость, и я по достоинству оценила жест, сделанный специально для меня.

Он ждал.

В комнате потеплело. Мне нестерпимо захотелось раздвинуть тяжелые портьеры, впустить внутрь солнечный свет, такой нелюбимый правителем Пограничья. За окнами осень срывала с редких деревьев листву, ревел обезумевший ветер, точно потерявший кого-то важного. Там было холодно, а здесь расцветало тепло.

Я прикрыла веки, наслаждаясь покоем, а затем подошла к фортепиано, задвинутому в дальний угол. На крышке скопился сантиметровый слой пыли — Трауш ненавидел этот музыкальный инструмент, но никогда не рассказывал почему. К нему не прикасались ни

заезжие музыканты, ни приближенные лорда, ни слуги. Но моего нареченного рядом не было, потому я рискнула поднять крышку.

Пальцы пробежались по клавишам, вспоминая сладостное ощущение, когда звук рождается из пустоты. Но мелодия не складывалась, даже простенькая, вызубренная наизусть за время обучения. Я, позабыв обо всем от огорчения, упала на банкетку. Нога коснулась педали, в голове выстраивались в рядок ноты.

Получилось не сразу, но когда полилась мелодия, гладкая и ровная, я возликовала. Нажатие, второе, легкий перескок. Плакали стены, согреваемые жаром камина, одинокий луч солнца скользил по полу. Зала ожила.

— Красиво.

Я не заметила, как за спиной появился Трауш. Сердце ухнуло к пяткам и затрепыхалось там раненой птицей. Он наверняка рассвирепел, услышав мою неумелую игру. Пускай во сне, не наяву, но я нарушила правила, которые обещала беспрекословно соблюдать.

— Извини! — Попыталась подняться.

Тяжелые руки легли на плечи.

— Продолжай.

Меня стала бить крупная дрожь, по коже посыпались мурашки, но пальцы двигались на ощупь. Трауш провел ладонью по моему позвоночнику, ласково тронул шею. Его туманы переплелись с моими, становясь единым целым.

Мелодия кончилась, пронзительно тренькнув на прощанье. Я замерла.

— Почему ты не рассказывала о своем таланте, Сольд? — В хриловатом голосе звучало изумление.

— Ты не спрашивал. — Во рту отчего-то пересохло.

— Повернись.

Но я не сумела сдвинуться с места, словно отказали все конечности разом. Сейчас, как никогда, я ощущала, что всего лишь сплю и не имею власти над собственным телом.

— Повернись, — почти взмолился Трауш.

Мне пришлось собрать всю силу воли, чтобы двинуться вбок. Обжигающе горячие ладони обхватили мое лицо. Глаза цвета непогоды пристально исследовали меня всю, будто я была нага и абсолютно беззащитна.

— Сольд, возвращайся. Я скучаю по тебе.

Он скучает?.. Не может быть!

Мое недоумение потонуло в поцелуе, горьком, как лебединая песня.

Я скучаю по тебе...

Мой будущий супруг, правитель Пограничья, жесткий и подчеркнуто равнодушный, умел испытывать чувства. К этой мысли привыкнуть бы! Она казалась столь чужеродной и дикой, что я отторгла ее, списав на невозможность. Быть может, Трауш из снов и соскучился, но явно не тот, настоящий, для которого наше обручение — ошибка.

Проснувшись я к полудню, когда по комнатам поплыли ароматы мясного рагу, фирменного блюда поваров академии. Но вместо того, чтобы отобедать со всеми адептами и преподавателями, я предпочла сходить за вещами. Негоже леди шастать в платье, заляпанном грязью.

После долгой прогулки по центральной площади я забрела в чудесную лавку. Торговка той значительно обогатилась, а я хоть и потратилась, зато приобрела четыре платья разной степени приличия: от строгого в пол с высоким воротником и оборками на груди до модного в нынешнем сезоне короткого, чуть ниже колена, за ношение которого еще лет сорок назад казнили бы без суда и следствия. Кроме того, взяла новую куртку, сапоги, штаны и несколько рубашек. В общем, счастьем моему не было предела. В таком виде разгуливать по академии не только не стыдно, но и приятно.

К вечеру студентов-гуляк прибавилось, и внутренний двор чуточку оживился, становясь похожим на запечатленный в памяти.

— Это же она, — услышала я шепотки, когда проходила у фонтана.

Мальчонка, которому едва ли исполнилось десять лет, бесстыдно ткнул в меня пальцем. Его друзья что-то зашептали, захихикали. Это, бесспорно, я, но какую «я» они имеют в виду? Изгнанную с позором или ту, что обручилась с лордом Теней?

На кухне кипела работа. Единственное место, суэта в котором не утихала ни днем, ни ночью, ведь чтобы прокормить всех обитателей академии, недостаточно ни десятка поваров, ни заклинаний, ни амулетов, ни чудодейственных агрегатов. Я выпросила у первой попавшейся кухарки миску наваристого супа и уплела его в один присест.

Чем бы заняться дальше? Идти к Розеншалу опасно, навеститься к матери всегда успею. И я решила прогуляться по коридорам, которые изучала шесть лет. Заглянула в библиотеку. Книжки пахли несравненно: бумагой, старостью и истинной мудростью; каждая их страница искрила от энергии. Я полистала учебник по травам, достала из середины засушенный подорожник, раскрошила его в пальцах. И ушла дальше, понимая, что ни одна из учебных книг мне больше не пригодится — даже знахарям не обойтись без магии. Побродила у кабинетов, заглянула в жилые помещения. И везде меня встречали и провожали одинаково настороженными, а иногда — что хуже! — жалостливыми взглядами.

А потом я натолкнулась на жуткого во всех смыслах ректора Гордеиуса, которого боялись все от мала до велика. Он, похожий на ворона, весь в черном, мрачный и до синевы бледный, говорил тихо, с присвистом и смотрел на всех свысока. Обращаться к нему можно было только как «истинный архимаг, избранный советом и богами, достопочтимый управляющий Гордеиус», но за глаза его называли Злодеиусом обыкновенным. Между адептами даже хаживали слушки, будто в роду его затесались тени — и, разумеется, оттого он казался лишь ужаснее.

Кстати, натолкнулась я в самом прямом смысле, то есть чуть не сбила с ног на повороте.

Сначала он пытался вспомнить, кто перед ним, потом долго не понимал, откуда я тут взялась. А я, рассматривая своего бывшего ректора, осознавала: не такой уж он и страшный, скорее — малопрятный.

— Здравствуйте, — чуть поклонилась.

— Если не ошибаюсь, ваше имя — Соль? Вы — дочь Ленеvры Рене?

— Сольд, — поправила я.

— И, насколько я помню, — Гордеиус скрестил руки под грудью, — вы были отчислены три года назад.

— Именно, за недостаток истинных сил.

— Так что же вы, простите, здесь делаете? — Его голос стал походить на змеиное шипение.

— Живу по приглашению декана светлого факультета.

Мои туманы бесились, рвались в атаку, но мощное защитное поле ректора разбивало их в облачка. Сам Гордеиус чувствовал вторжение и даже осознавал, какого оно рода, но не спрашивал. Что ему до пустяковых туманов, когда сам он способен сотворить шторм?

— Уважаемая Сольд Рене, — впалые щеки напряглись, — если вы причините академии малейший вред, не важно, материальный или энергетический, — вы будете осуждены по законам совета верховных магов, невзирая на то, что никакой вы не маг.

Он буквально плюнул в меня этой правдой и, обогнув, величественно удалился. А я ощутила себя той шестнадцатилетней девчонкой, которая когда-то могла зажечь огонек, а теперь разучилась, и ректор, посмотрев на нее без капли сострадания, объявил:

— Ваша судьба поставлена на чашу весов.

Осматриваться резко перехотелось. Я закрылась в комнате и, упав на подоконник, паялилась на внутренний двор, к ночи вновь опустевший. В дверь постучались.

— Здравствуйте. — На пороге топталась девочка лет пятнадцати, конопатая, пухленькая. — Светлый декан приставил меня к вам личным помощником.

— Думаю, он ошибся, — я покачала головой. — Мне ни к чему прислуга.

— А я не служанка! — В глазах девочки заблестели слезы. — Я будущий колдун!

Вот только отчего слезы, если она отмечена богами? Кажется, передо мной одна из тех семерых, лишившихся резерва, но живущих в академии по разрешению Иттана.

— Присядь. — Я указала на единственный стул, а сама забралась с ногами на кровать, подобрала под себя юбку. — Расскажи, что произошло?

Девочка помотала заплетенными косами. Шмыгнула носом и, как полагается, разревелась.

— Все было нормально... а потом... не стало.

— Ты ощутила что-нибудь необычное перед этим?

Девочка поджала губы.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что пережила то же самое. В шестнадцать лет, на последнем курсе академии, я была отчислена из-за того, что мой резерв опустел. Однажды утром проснулась абсолютно бесполезной. — Я медленно выдохнула; воспоминания всегда отдавали особой горечью, как старый шрам, который не переставал чесаться. — И все, моя судьба была предрешена, поэтому благодари светлого декана за то, что он не выгнал тебя сразу же.

Девочка хлопала светлыми ресницами, закусила костяшку указательного пальца.

— И вы смирились?

— Нет, — честно призналась я. — До сих пор то место, где когда-то пульсировал резерв, кровоточит. Иногда кажется, вот-вот получится что-нибудь наколдовать, но все впустую.

Она закивала — понимала прекрасно. Между нами возникло особое единение душ, как между двумя обреченными на медленную и мучительную смерть.

— Как тебя зовут?

— Амина.

— Амина, расскажи мне местные сплетни. Чем живет академия?

— Вам любые?

— Можно даже самые скабрзные, — ухмыльнулась я.

И Амину понесло. Она поделилась и любовным треугольником между молодым преподавателем и двумя студентками, и тем, как кто-то, решив избавиться от морщин, сходил на сеанс в сомнительный салон, после чего не мог двигать бровями; и тем, как захворал Злодеус и не вылезал из опочивальни несколько дней, а все без исключения студенты мечтали, как он сложит бразды правления — но не свезло.

Амина замолчала, чтобы отдышаться, и вдруг воздух зазвенел.

— Ты слышишь? — насторожилась я.

— Не-а. — Она наострила уши. — А чего?

Комната вибрировала. Я медленно поднялась и, стараясь идти бесшумно, добралась до стены, потрогала холодный камень. В нос ударил запах морозной гари. Так пахло в самых темных уголках (впрочем, там и не было светлых) государства теней.

— Оставайся здесь, — приказала я, но Амина, как любая любопытная особа пятнадцати лет, меня не послушала.

* * *

Меня вело само предчувствие, нечто за гранью разумного, на уровне интуиции. По каменной кладке стен будто скреблись когти, и я спешила туда, где скрежет становился громче. Амина не отставала, пыхтя, неслась следом.

Мы настигли сущность у винтовой лестницы. Черная хвостатая тварь ощерилась, примечая незваных гостей. Шерсть на ее теле вздыбилась, тощий хвост, оканчивающийся пикой, изогнулся. Я не успела толком рассмотреть морду — тварь взметнулась к лестнице и спрыгнула вниз с потоком воздуха. Я кинулась за ней, но пальцы ухватили лишь порыв ветра.

— Э-э, — протянула Амина.

— Ага, — подтвердила я, вглядываясь во тьму первых этажей. — Пообещай, что никому не расскажешь об увиденном.

— Но почему?! Если оно украло мою силу, то...

— Нам никто не поверит. — Я на каблуках развернулась к наивной девочке. — Итак, перед нами сущность, которую не распознали охранные заклятья академии и проморгали сильнейшие практики страны, но разыскали две бывшие колдуньи, — не находишь нашу историю несколько неправдоподобной? Сначала мы узнаем, что это и откуда оно взялось, а уже потом поделимся новостями с преподавателями.

Амина потупила взгляд. Весь ее вид выражал несогласие.

— Я тоже хочу помочь.

— Непременно поможешь. Кстати, ты и другие адепты лишились силы в один момент

или с промежутками?

— Где-то раз в неделю, — подумав, ответила Амина. — Последний раз это произошло дней шесть назад.

Ясно, перед нами кто-то изголодавшийся, кто, как мне думается, попросту обжился в стенах академии и поедает силу тех, у кого слабые врожденные блоки. И, если верить статистике, скоро он нападет вновь.

— Иди к себе, а я почитаю о нашей зверюшке. Где ты живешь?

— Мне выделили комнату около вас, — она насупилась. — Но...

— Пожалуйста, не спорь.

Девочка, понурившись, пошла обратно, а я попыталась нарисовать в голове образ существа. Получилось размыто, но хоть что-то. Все, что можно сказать наверняка: эта тварь родом из тех мест, леди которых мне суждено стать.

Кроме меня, библиотеку облюбовала парочка влюбленных адептов, бесстыдно целующихся при свете настольных свечей. Н-да, знания нынче не в моде. Я прошлась у стеллажа, где были представлены книги о нечисти, и выудила тонюсенькую книжонку, почти брошюрку, с гордым названием «Жуткие твари Пограничья».

Автор сего творения с тварями явно не сталкивался, потому описывал их витиевато, но избегая деталей. Разве по фразе «ужасающее, стремительное, кровожадное создание» можно определить, кто конкретно подразумевается? Кролик тоже может показаться кровожадным, если посмотреть на него с нужного ракурса.

Вообще, Пограничье — самое замкнутое государство на мировой карте. Там редко приглашают в гости чужаков и уж точно не спешат наведаться к кому-нибудь сами. Разве что каждые три года ведут обмен с Островами Надежды: двадцать теневых жителей на двадцать людей — для разбавления крови. После войны столетней давности, когда тени в пух и прах разбили три сильнейшие армии — людей, ави и рынди, — их по-настоящему забоялись. Но, как известно, вместе со страхом приходит ненависть.

Я сама провела в Пограничье пять месяцев, но не могу рассказать ничего, кроме одного: эта раса скрытна, а каждое их действие имеет два, если не три потаенных смысла.

Нет, книжка была бесполезна. Картинки напоминали эскизы пера плохого художника, описания отдавали скукой и поверхностностью. Решив с утра обратиться к стражу знаний за какими-нибудь секретными рукописями, недоступными обычным студентам, я откинула ее прочь. Если же страж откажется помочь, придется действовать методом тыка: поймать и тыкнуть.

Страж знаний была не просто стара — она разваливалась от дряхлости. Пергаментная кожа изросла морщинами, глаза ослепли, а крючковатые пальцы сковал артрит. Но ей, истинной чистокровной ведьме, не нужно было видеть, слышать или осязать. Она давно все делала, полагаясь на память и истинную силу. Поэтому, когда я подошла к стойке, за которой сидела страж, толстые брови той поползли вверх.

— Ты пахнешь смертью, — прошепелявила беззубым ртом.

— Тенями, — привычно исправила я, облокотившись на стойку. — Скажите, среди древних рукописей есть какие-нибудь, посвященные тварям Пограничья?

Она не размышляла и секунды; неудивительно, потому как давно запомнила весь архив наизусть и могла спросонья пересказать, на какой полке и в каком порядке расставлены книги.

— Да. Но ты, дитя, не студентка и не преподавательница, так отчего же мне позволять

тебе углубляться в чтение запретного?

Я повела плечами.

— Вы сами сказали, я пахну не как обычный маг, да во мне и нет магии. Вчера я увидела существо, не распознанное никем из академии, и почувствовала в нем сородича.

Страж не отреагировала, лишь рассматривала меня глазами, затянутыми бельмами.

— И если именно это существо опустошило резерв семерых студентов светлого факультета — я должна его отловить.

— Мне безразличны дела факультетов, — сказала страж.

Разумеется. Вполне возможно, что про тeneвую тварь она догадывалась давным-давно, но такова уж ее участь: оставить мирское и полностью отдаться знаниям.

— А мне — нет. И от вас я прошу лишь того, чем вы владеете.

Она промолчала, но ушла в темные архивы, где не ступала нога ни студента, ни преподавателя. И воротилась с потертой книжицей в сером переплете, которую бережно пододвинула ко мне.

— Дитя, даю тебе час и ни секундой больше на изучение.

— Благодарю.

Я села за свободный стол в глубине библиотеки, у стеллажей с книгами, настолько бесполезными, что их годами не касалась рука адепта. С трепетом погладила корешок. Сколько же тайн скрывала эта книга...

Было бы свободное время, я бы заучила наизусть все о том мире, с которым меня свели боги. История Пограничья, особенности социального строя, полезные минералы и травы, ядовитые растения и, конечно, существа — о многом я читала в поместье Трауша, но далеко не обо всем. Нужная мне тварь нашлась сразу и называлась она хинэ — дьявол-пожиратель. Полуматериальная, полутеневая, гибкая и пластичная, не знающая боли и слабости. Когда-то давно хинэ приручали, что диких кошек, и шли вместе с ними в бой. Но однажды загонщики потеряли контроль над тварями, и те совсем одичали.

Откуда хинэ взялась в академии, как пробралась сюда за тысячи километров от родных краев? Почему, бес бы ее побрал, осталась незамеченной?!

Переписав все мало-мальски полезное, я полистала страницы и, наткнувшись на главу о свадебных обрядах, углубилась в чтение.

«Обычно пышной свадьбе предшествует скромный обряд обручения. Именно тогда высокий лорд называет выбранную им женщину равной себе и дарит ей свою жизнь, взамен забирая жизнь ее. С того дня их руны переплетаются, а судьбы объединяются на веки в мире живых и мертвых».

Я глянула на руку, перетянутую перчаткой как второй кожей, и задумалась, готова ли стать достойной супругой не на неделю или год, а навсегда? И почему он выбрал на эту роль меня?

Впрочем, второй вопрос мучил уже давно. Трауш ответил на него простецки: «Иначе бы ты умерла». И что, мало ли ежедневно гибнет людских девушек? Чем я лучше их?

По коридорам я шла медленно, вслушивалась в любой посторонний шорох. Тварь бродила где-то рядом, но имела ум не показываться на глаза до тех пор, пока академия окончательно не уснула. Теперь, когда я была убеждена, что именно хинэ причастна к происходящему, оставалась самая малость: поймать ее и истребить. Интересно, внемлет ли Игтан моим словам или не поверит им? Что ж, не попробую — не узнаю.

Узнать было не суждено, светлый декан отлучился по каким-то сверхважным делам, о

чем мне, поджав губы, сообщила бдящая на посту секретарша.

Битый час я слонялась по академии, маня тварь туманами. За мной хвостиком бродила Амина, вооружившаяся палкой. Так себе защита, если честно.

— Слышите ее? — спрашивала девочка с периодичностью в пять минут.

— Да, но она ускользает.

— А что вы будете делать, когда поймаете?

Хороший вопрос; и правда, что? Возможно, наброшусь на хинэ и не отпущу, пока не прибежит кто-нибудь из преподавателей. А что, мне терять нечего, своей-то магии не имеется, значит, и опасаться кражи резерва не стоит.

Ночь погрузила коридоры в мертвенную тишину. Студенты попрятались по комнатам, утихли голоса и шелесты. Тварь была рядом, играла со мной, то обходя со спины, то оказываясь впереди.

А потом она унюхала добычу!

Как-нибудь позже я непременно спрошу у Трауша, все ли тени умеют читать мысли хинэ, но пока в голове билось одно, колкое как льдинка: еда близко. Сочная, аппетитная энергия, хлещущая через край.

Я вломила в мальчишескую спальню на пятерых слишком поздно. Тварь неотрывно смотрела на одну из кроватей, где посапывал юный адепт. Кончик хвоста дергался от предвкушения. Я рванула к ней, но хинэ, облизнувшись и оскалившись, юркнула к распахнутому окну и перетекла в него струйкой. Нога зацепилась за прикроватный столик, и я упала на пол. От грохота подскочили все без исключения.

— Госпожа! — Амина ворвалась с палкой наперевес, готовая атаковать хоть нечисть, хоть самого архимага.

Остальные ребята загомонили и, путаясь в одеялах, подбежали к вскочившему первым товарищу, тому самому, которого рассматривала хинэ.

— Ты как?!

— Что-то случилось?

— Эй!

Пахло силой, чуть сладковато и настолько вкусно, что туманы потянулись к запаху, обволокли его собой. Мальчик вскрикнул:

— Что со мной?! Я... я не могу...

— Идем к декану, — приказала я, а спина взмокла от пота.

Отвернувшись, чтобы оставаться незамеченной, я раскрыла ладонь. На кончиках пальцев затрепетал рыжий огонек. Огонек, сотворенный магией.

Декан явился лично, буквально через минуту-другую после переполоха. Бледный, будто полностью лишенный красок, он влетел в спальню и осмотрел нас всех. Его взгляд задержался на рыдающем мальчике, и на лице Иттана отразилось истинное страдание.

— Опять...

Он приказал ребятам дожидаться лекаря, который напоил бы их успокаивающими каплями, отправил взбудораженную Амину спать.

— Сольд, пожалуйста, составь мне компанию, — попросил светлый декан.

Подчинилась. Внутри закипало пламя, грозящее вырваться наружу. Я подавила давно забытый порыв, и отголоски силы заплясали внизу живота. Подождите, родненькие, я дам вам выход чуть позже, когда мы останемся наедине.

Вскоре мы пили дорогой коньяк, закусывали вонючим горным сыром и фруктами, а

Иттан, зарывшись лицом в ладони, молчал.

— Послушай, — начала я, отщипнув виноградину от грозди, — за всем этим стоит теневая сущность. Мы с Аминой видели ее.

— Что за бред? — прогундосил Иттан через ладони. — Наши маги все проверили.

— Она умело прячется и раз в неделю выходит на охоту, в остальное же время обитает в межмирье. Мы отловим ее, обещаю!

— Сольд, твоя поддержка очень ценна, но...

Он не закончил, хотя было и так понятно: не мне, опустошенной полукровке, лезть в ловлю опасных тварей, которых, возможно, я сама и придумала.

— Восьмая жертва. — Иттан жадно отхлебнул янтарного напитка. — Скоро факультет закроется по недобору.

— Прекращай. — Я коснулась его взлохмаченных волос. — Мы справимся, поверь мне.

Светлый декан обреченно кивнул. Жаль, Иттан, что ты не способен слышать кого-то, кроме себя, а я не собираюсь расплытаться впустую. Уж лучше заманю хинэ в ловушку и поднесу ее голову на блюдечке. К сожалению, пострадавшим ребятам от этого будет ни горячо ни холодно, зато нападения прекратятся.

Сегодня же поинтересуюсь у знатока расы теней — своего будущего супруга, — как обхитрить хинэ.

— Я узнал насчет Розеншала. — Иттан поднялся и бездумно походил взад-вперед. — Маг высшего уровня, ученый, изобретатель. Официально никаких рабов за ним не числится. Как уже говорил, Розеншал необычайно скрытен, что оправдывают его гениальностью. Дескать, все великие маги немного с придурью, хотя, как по мне, его придурь зашкаливает. Был женат, причем, по слухам, любил свою женушку до одури, но она скончалась пять лет назад от какой-то нелепой случайности. Ах да, в том году фигурировал по делу о мертвой девушке, в которой текла кровь ави, но исключительно в качестве свидетеля.

— Что за дело?

— Его служанку нашли обескровленной, причем та как будто иссохла изнутри, потому как порезов либо ран на теле не обнаружили.

— Это все? — Я прикрыла веки.

— Кого попало к себе он не пускает, и, гарантирую, ты не станешь счастливым исключением. — Иттан осушил стакан и, поморщившись, налил вновь. — Но я обещаю что-нибудь придумать. Обещай не лезть на рожон.

— За кого-то меня принимаешь? — наигранно возмутилась я.

— За ту, которую не остановят никакие преграды на пути к цели.

И он был прав. Я достану Розеншала, но сначала — хинэ.

Иттан уснул первым, а я доела последний кусочек сыра, скривившись от его солёности, и на заплетающихся ногах побрела в комнату. Впервые за много лет резерв был переполнен, и кровоточащая рана в груди начинала заживать. Только вот это была не моя сила — она принадлежала мальчику и, как платье с чужого плеча, жала, натирала, не приживалась. Гноилась внутри меня, текла сукровицей. Ее надо было выпустить, иначе бы гной расползся по крови.

В комнате я взмахом подняла со стола стопку бумаг — те взметнулись к потолку и плавно опустились на пол. Закружилась по спальне, а пятки высекали снопы искр. Глаза потемнели, руна на запястье оледенела. Я бы расхохоталась что истинная ведьма, но предпочла помалкивать, чтобы не выдать себя. К трем часам после полуночи приобретенная

сила иссякла полностью. Я упала на кровать и, раскинув руки, заснула сном младенца.

* * *

В саду, некогда цветущем буйным цветом, поселилась промозглая осень, и листва опала к ногам коричневым ковром. Деревья, голые, черные, напоминали обгоревшие скелеты. Я коснулась шипа увядшей розы, надавила. По подушечке пальца поползла кровавая капелька.

Он опять подкрался незаметно. Укрыл обнаженные плечи курткой, пропахшей дымом.

— Пианистка, колдунья... Сколько же тайн ты хранишь, моя леди?

И не разобрать, чего в голосе было больше: насмешки или неподдельного уважения. Его ладонь накрыла мою.

Я без стеснения обернулась, позволила себе легкую ухмылку.

— Столько, чтобы никогда не перестать тебя удивлять.

По тонким губам скользнула тень улыбки. Мы стояли друг напротив друга, и я едва доставала ему до подбородка. Взгляд глаза в глаза, учащенное сердцебиение. Не знаю, как ему, а мне до слез хотелось сказать нечто важное, что застряло посреди горла костью. Признаться, я тоже соскучилась. И по грозному Траушу из реальности, и по тому мороку, что навеял меня во снах.

— Необязательно убивать звереныша, — как бы невзначай заговорил Трауш, коснувшись моего пальца и растерев по коже алую каплю. — Он — часть наших земель, так приручи же его, как истинная повелительница.

— Объясни, что нужно делать.

— Ты всему научишься сама.

— Не научусь, — поспорила я. — Буквально вчера я читала про хинэ и про то, как ваши загоницики потеряли над ними контроль.

Трауш фыркнул.

— Ты веришь всему написанному, а, моя леди? У тебя непременно получится. Ты сильнее многих.

Я прильнула к груди лорда, и тот крепко прижал меня к себе, укрывая от всего на свете.

— Как ты? — спросила от волнения тоненьким голосочком и, застеснявшись собственной слабости, попробовала отшутиться: — Наверное, наслаждаешься последними месяцами свободной жизни?

— Все хорошо, — внезапно сухо ответил он, отстраняясь.

— Что-то случилось? — Я силилась разглядеть во вмиг похолодевшем взгляде причину.

— Ничего из того, о чем стоило бы переживать леди.

— Расскажи мне.

«Я ведь твоя будущая жена», — вертелось на языке, но так и не слетело с губ.

Внезапно сад рассыпался в прах, и перед нами растелилась чернеющая пустота: под ногами бездна, и каждый шаг смертельно опасен.

— Иди, — сказав это, Трауш исчез. Немыслимо, он настолько не желал отвечать на обычный вопрос, что предпочел сбежать!

Я чувствовала: что-то не так. С ним, или с Пограничьем, или с кем-то близким ему — что-то произошло или скоро произойдет. И гаже всего было то, что Трауш скрывал правду.

*Чем же я его так задела? Неужели неуместной колкостью?
Сон кончился, и лорд Теней в нем больше не появился.*

* * *

Я планировала возобновить поиски утром, да не пришлось. Тварь разыскала меня самостоятельно, и проснулась я от того, что она давила на грудь мохнатой лапой. Ее морда, вонючая до невозможности, нависала над моим лицом. С пасти капала слюна.

Поразительно, как легко застать меня врасплох: то юнец с корабля, то монстр в академии, полной магов. Возьму на заметку: не спать, когда поблизости бродит нечто смертельно опасное. Эх, дожить бы до следующей передряги!

Страх сковал тело, тягучий, что смола. Я видела в черных зрачках свою погибель. Когти проступили, впились в кожу пятью иглами. Несмотря на теневое происхождение, хинэ была вполне реальной. Только бы она не удумала откусить мне голову.

Туманы обвилились вокруг мускулистой шеи. Тварь попыталась стряхнуть их, но те держались крепко. На морде хинэ отразилось задумчивое выражение. Я обхватила обеими руками лапу и, оттянув ее, перекатилась на бок. Спрыгнула с кровати, отбежала к стене, тщетно выискивая что-нибудь тяжелое, чем можно оглушить тварь. Та застыла в позе готовой к нападению кошки. Глаза опасно сузились.

«Приручи его...» — зазвучало в ушах отголосками слов Трауша.

Легко сказать. Ну его, это приручение. С этой мыслью (первой здоровой за утро) я отскочила к двери, та на удивление легко поддалась. И мы с хинэ устроили увлекательные догонялки по академии. Я бежала, путаясь в ночной сорочке, а по пятам бесшумно неслась тварь. Гнилостное дыхание лизало лопатки, добавляя мне энтузиазма. На поворотах тварь заносило, и она отставала, давая пару секунд форы. Мы пролетели по извилистым коридорам и оказались у винтовой лестницы. Дела пошли веселее, потому как хинэ оказалась жутко неповоротливой, а еще тупой, потому что вместо того, чтобы влезть на стену и поползти по ней, она бежала за мной по ступеням.

На первом этаже через приоткрытую дверь (хвала богам и тому, кто забыл ее запереть) я нырнула во внутренний двор. По коже прокатился озноб — утро выдалось холодным.

Тварь не любила свет, я поняла это, когда выскочила наружу, а она осталась стоять на пороге, болезненно шурясь. Это первое, а второе — во дворе мы были не одни. Парочка жмущихся друг к другу подростков, устроивших тут любовное свидание, поглядывала на нас с ужасом. Светловолосая девушка вскочила со скамьи и ринулась к входу, завидев меня и совершенно не приметив хинэ, скрывающуюся в тени дверей.

— Стой! — завопила я.

Парень, тощий и высокий, кинулся за девушкой, но было слишком поздно. Хинэ обхватила ту за лодыжки, оскалилась. Девушка рыдала, зажмурившись от испуга и неуклюже пятясь на четвереньках.

— Отойди, — рявкнула я, не давая пройти парню. Недавний испуг затерялся под осознанием: от меня зависит будущее этой колдуньи. Потянулась туманами к твари, та зашипела. — Кыш!

Мне помешал возникший из ниоткуда канал. Такие источники есть в природе — места, где льется чистая сила, доступная любому желающему. Но поток исходил от девушки, и вкус

его был ромашковый, как и она сама. Туманы заволокли канал, втянулись в него, напитываясь и толстая, как лозы. Девушка взвыла. Тварь уважительно глянула на меня и отошла в сторонку. А я не могла заставить себя остановиться. Туманы тянули силу по капельке, частицу за частицей. На девичьем лице проступила совсем не аристократическая бледность, щеки впали.

Мир вокруг перестал существовать. Только я и сила, ромашковая, ароматная, вкусная; бесконечная сила, утерянная мной давным-давно. Противиться ей было бессмысленно — я потеряла контроль над телом и волей. Мною правили первородные инстинкты: если есть канал, нужно напитаться его содержимым.

Слишком поздно я увидела перед собой силуэт, толкнувший меня на каменный пол. Боль отрезвила, и до меня дошло, что конкретно я натворила. Но оправдаться возможности не представилось — чье-то заклятье сковало руки и ноги, а веки налились свинцом.

Проснувшись я в своей спальне от яркого солнечного света. Воспоминания возвращались медленно, но когда картинка окончательно сложилась — я ахнула. Только не... мамочки...

Шея саднила, на нее навесили сдерживающий ошейник. Перед глазами до сих пор плыло. Дверь, разумеется, была заперта на замок. Итак, теперь я пленница, более того — воровка магии, опасный преступник. Ну и как доказать, что я нечаянно? Так сказать, канал сам открылся, а я только тихонечко присосалась к нему без своего на то желания.

Иттан пришел спустя час или два томительного ожидания. Хмурый донельзя, в несимметрично застегнутом камзоле.

— Здравствуй, — сказал, провернув в замке ключ.

— Иттан, я...

— Молчи. — Он не решался подойти, так и стоял у порога, а я боялась слезть с кровати. — Твою судьбу решит совет верховных магов. Почему ты никогда не говорила, что умеешь вытягивать силу?

Может, потому, что не подозревала об этом до вчерашнего вечера?

— Неужели хотела поживиться в стенах академии? — грустно закончил Иттан.

— Нет, что за чушь!

Он покачал головой.

— На тебя пытались свалить вину за всех опустошенных детей, но я убедил советников в том, что, кроме последних двоих, ты никому не смогла бы навредить ввиду отсутствия в городе.

— Спасибо.

Я все-таки встала и, укутавшись в одеяло, шагнула навстречу другу. Тот отстранился как от чумной. Лицо его перекосила гримаса отвращения.

— В любом случае, я отзываю свое приглашение. Что бы ни решил совет — тебе здесь не рады. Слушание через полчаса, прощай.

И он ушел, а я стояла, глупо рассматривая трещину в стене, и думала, что хуже быть не может.

Совет собрался в торжественном зале академии. Я смиренно сидела посреди сцены на стульчике под суровыми взглядами колдунов, имен которых не знала. Сильнейших в своей стихии, способных растоптать врага мановением руки. Всего их присутствовало пятеро: огонь, вода, земля, жизнь и смерть. Ректор академии тоже был среди них, он управлял землей. А вот магесса воздуха отсутствовала, и я раздумывала: радоваться либо печалиться?

На тяжелых портьерах скопилась пыль, напоминающая слой серого снега. Под потолком

мерцали свечи. Было холодно и неудобно, но почему-то совсем не страшно. Колдуны восседали на зрительских сиденьях первого ряда, словно ожидали от меня какого-то представления.

— Приступим, — сказал председатель, маг жизни, постучав длинным ногтем по подлокотнику.

Секретарша, молоденькая ави, единственная сидящая за столом, оторвалась от пера и произнесла:

— Ныне, тридцатого числа от первого лунного месяца тысяча семьсот девятого года, слушается дело о присвоении чужой магии. Назовитесь.

Это она мне.

— Сольд Рене.

— Признаете ли вы, что умеете поглощать истинную силу, в частности, что нынешним утром, около шести часов по восходу, опустошили Ирму Ант? — вновь взял слово председатель.

— Я не умею поглощать чьи-либо силы, — сказала то, в чем была относительно уверена.

— Ложь! — вскрикнул ректор, вскакивая.

Пухлощекий маг неопределенного возраста, но ближе к сотне, покрутил в пальцах тощенькую бородку.

— Гордеиус, дайте высказаться вашей подопечной.

— Никакая она не подопечная. Эта преступница была изгнана из академии три года назад, и будь моя воля, не ступила бы сюда никогда впредь! Но, к глубочайшему сожалению, в наших стенах полно мягкосердечных преподавателей, готовых укрыть под своим крылом хоть убийцу, хоть подлую воровку.

В момент своей грозной речи он, злой до невозможности, как никогда походил на представителя теневой расы, может, и не привирали выдумщики-студенты.

— Я клянусь вам, — приложила к груди ладонь, — что осознанно не могу никого опустошить. Это получилось спонтанно.

Взор я, конечно, потупила, как и подобает всякой приличной даме, вляпавшейся в неприличную историю, но получилось жалко. Никто не поверил, колдуны разразились язвительными шепотками.

— Если вы не хотите добавить что-либо в свою защиту, совет просит засвидетельствовать показания Ирму Ант, — влезла секретарша, окунув перо в чернила.

Девушка вошла сгорбленная и будто бы даже постаревшая. Глаза ее застилала слезы, а руки теребили край вязаного платка. Мне было ее жалко, но ведь она не лишилась дара навеки. Я высосала имеющийся резерв, который вскоре заполнится.

— Госпожа Ант, как это произошло? — спросил председатель с жадным любопытством.

— Мы с Ридром... — Ирма запнулась, — общались, когда появилась она. Выскочила на нас... я испугалась, что она расскажет кому-нибудь, ну, что мы... не в постелях... Я побежала, а она — за мной. И как накинута, у меня аж ноги онемели.

— Нет! — Я ругнулась. — Там была хинэ!

— Кто-кто, простите? — Ректор почесал переносицу.

Я рассказала о теневой сущности, но, конечно же, и эту речь оставили без внимания. Ни единому моему слову отныне не верили. А на просьбу позвать Амину отреагировали сдержанными кивками.

— Продолжайте, госпожа Ант.

— Она отняла все... мне сказали, что магия может никогда не восстановиться... —

Ирма разревелась.

— Что вы почувствовали? — Колдунья смерти, желтоглазая и сухая старушенция, сведущая в некромантии, но не практикующая в ней уже долгие десятилетия, вперилась в меня взглядом.

— Пустоту, — нашлась Ирма после секундной паузы. — Как если бы из груди...

...вырвали кусок плоти. Знакомые чувства.

Некромантка изучающе уставилась на меня. Уж не знаю, что она видела, но результат ее удовлетворил. Следом позвали молодого человека Ирмы, который повторил историю скороговоркой, будто невзначай забыв упомянуть о хинэ. Они придуриваются, что ли?! Как можно не заметить существо в человеческий рост?!

— Уважаемые коллеги, — колдунья смерти улыбнулась уголками губ, — вы же понимаете, что если в действительности все происходило именно так, — на этих словах Ирма усиленно закивала, — то перед нами не типичное воровство магии с помощью амулетов либо проклятий, ибо первого на месте преступления найдено не было, а для использования второго необходима энергия, выброса которой не наблюдалось. Сольд Рене, вы — собирательница?

Все присутствующие уставились на меня в упор. Я сглотнула вязкий ком, застрявший посреди горла.

— Нет, — не сказала — прохрипела.

— Не может быть! — выплюнул маг огня, рыжий, что само пламя. — Полный список собирателей из девяноста семи персон задокументирован. Ими не становятся, а рождаются. И все они под нашим наблюдением!

— Возможно, при рождении малютки Сольд повитухи не усмотрели редкого дара, — кажется, некромантка глумилась над собратьями.

А я с трудом переваривала услышанное. Собирателями называли тех, кто использовал существ, наделенных магией, в качестве канала. Но как может стать собирательницей та, у которой нет даже своего резерва?!

Ирма смотрела на меня в упор, словно надеялась таким образом отнять силы обратно. Жаль, но из-за ошейника я и сама их не чувствовала, лишь тонкий ромашковый шлейф.

— Довольно пререканий! — призвал всех к порядку председатель. — Собирательница она или нет, мы непременно выясним. Но каково будет наше решение в отношении дальнейшей судьбы Сольд Рене?

— Нет смысла сажать ее в сдерживающую камеру, раз сама Сольд лишена резерва и питается чужим. — Некромантка подмигнула мне.

— Но и выпускать ее на волю нельзя! — разозлился ректор.

Колдунья смерти согласилась:

— Столь редкий случай необходимо тщательно исследовать.

— Есть решение, которое, надеюсь, устроит вас всех, уважаемые члены совета. —

Из тени выплыла высокая женщина, такая красивая и неживая, что невольно хотелось до нее дотронуться и убедиться: не высечена ли она из мрамора. Кожа ее была белее снега, а губы алые, что сама кровь. В ее лице и хрупком теле не читалось ни возраста, ни двух беременностей, ни тяжелых родов. Вот какова колдунья воздуха.

Сильнее всех наказаний и кар я боялась встретиться с ее осуждающим взглядом, но

именно так она и смотрела на меня. С обидой, грустью и чем-то невыносимо горьким, в чем ясно читалось: «Ты не оправдала моих надежд».

Ну, началось! Только мук совести мне не хватало, в конце концов, я ни в чем не виновата. Оно, бес его подери, само!

— Госпожа Леневра, что вы подразумеваете? — Маг огня глянул на верховную колдунью воздуха со смесью обожания и непонимания.

Леневра Рене уселась на свободное кресло, закинув ногу на ногу и скрестив руки под грудью.

— Думаю, все согласятся: перед нами необычное дело, поспешное рассмотрение которого лишь затуманит истину. Если Сольд — собирательница, то, уверяю вас, эта черта ею приобретена, ибо родилась она самой обычной девочкой. Возможно, в ходе расследования потребуются образцы крови или появятся доказательства невиновности Сольд. А значит, ей необходимо где-то находиться в ожидании вердикта, и я считаю, что места лучше дома моей дочери не сыскать. Со своей стороны гарантирую полную изоляцию Сольд от мира и ежеминутный надзор.

Да-да, вот такая моя матушка: идеальная, несокрушимая красотка, любимица мужчин и злейший враг женщин. Чистокровная аристократка высочайших кровей. Член совета от стихии воздуха. В общем, не женщина — богиня.

Но каково быть дочерью богини? С самого детства ко мне предъявляли требования: шить, петь, играть на фортепиано, быть первой красавицей столицы и, разумеется, обладать истинной силой. А я уродилась в папеньку, вполне себе симпатичной, но посредственной.

С Леневрой попытались спорить, но матушка всегда умела убеждать, поэтому было решено: до вынесения приговора за подписью всех советников я нахожусь под стражей в родовом гнезде. Ошейник с меня не снимают, свободы передвижения по городу не дают, но в пределах дома я могу творить все, что мне заблагорассудится.

Матушка взошла на сцену, взяла оцепеневшую меня под локоток и повела сначала из зала, а затем и из академии, шепнув в самое ухо:

— Держи осанку, Сольд.

В этом вся она. Манеры превыше всего.

Я вдыхала аромат магнолий, двигалась в такт отлаженному шагу от бедра, а на языке застыл всего один вопрос: «Мама, почему ты продала меня в рабство?»

Часть вторая
Приобретение

Полгода назад

Хлипкую повозку трясло на колдобинах так, что на каждом повороте Траушу казалось: вот-вот она перевернется. До столицы оставалось несколько часов пути, и полуразрушенные лачуги сменились крепко сколоченными сараями, которые язык не поворачивался назвать домами. Несмотря на все награбленное и заработанное рабским трудом, не существовало беднее места, чем Острова Надежды. Пока одни купались в роскоши, другие дохли от истощения.

Об Островах ходили дурные легенды. Во-первых, когда-то давно тут укоренился культ, поклоняющийся богу смерти и частенько приносящий ему кровавые жертвы. Во-вторых, крупнее рабовладельческого рынка, чем здешний, не было на всем свете. А в-третьих, Острова граничили с государством теней. Дважды в год владыки приграничных территорий навещали друг друга с визитом так называемой вежливости.

Трауш терпеть не мог, когда градоправитель Измаил навевался к нему в гости, а его любопытные людишки разбегались по городу, будто тараканы, собирая сплетни и слухи; но еще больше он ненавидел приезжать сам. И давно бы разорвал глупую традицию, да хранители категорически запретили, обозвав это первым шагом на пути к войне.

— Сделай мину попроще, — почти ласково потребовала Мари.

— Всенепременно, — хмуро пообещал лорд Теней.

— Прекрати выкаблучиваться! Год за годом строишь из себя невесть что. Всего-то потерпеть пару дней, — и добавила с нравоучительными интонациями: — Шу, не забывай, ты молодой правитель и еще не успел доказать свое могущество. В твоём положении противопоказано кривить морду.

— В моем положении хоть что-нибудь не противопоказано?

— Да, молчать.

Мари, принявшись колупать обивку салона, замурлыкала под нос какую-то песенку. Трауш никого не взял с собой, кроме нее: ни хранителей, ни дипломатов, ни торгашей. Наверное, за это его и недолюбливали — он всегда предпочитал обсуждать любые темы самостоятельно, без третьих лиц. Но кто, если не лорд, должен вести переговоры?

Внезапно повозку качнуло влево, заржали лошади. Трауш почувствовал стороннее магическое присутствие, но не успел сгруппироваться. Тишину оборвал треск, словно лопнула веревка, и последовал сильный толчок, после которого послышалась забористая ругань извозчика.

— Стоять!

Трауш выглянул в оконце и увидел двух лошадей, несущихся к лесу. Извозчик, сидящий на земле, отряхивался от придорожной пыли.

— Господин, их кто-то спугнул и оборвал постромки. — Он с оханьем поднялся. — Я их найду, клянусь!

— Кого их? — насмешливо уточнил Трауш. — Лошадей или тех, кто это натворил?

— Лошадей, — без особой уверенности ответил извозчик и поспешил скрыться подальше от гнева высокого лорда.

Трауш помог выбраться напуганной Мари, вдохнул наэлектризованный магией воздух.

Нет, их неспроста заставили остановиться именно здесь и сейчас. Рука скользнула по рукояти меча. Лорд замер в предвкушении.

Стрела просвистела у левого уха. Он в последнюю секунду успел отскочить сам и повалить на землю взвизгнувшую Мари.

— Не стой столбом, ведьма ты или кто?!

— Ведьма, — глухо ответила она и разом переменялась.

Трауша всегда изумляло, как в секунду из невинной девицы его боевая подруга преобразалась в воительницу. Исчез румянец, в глазах зажглось пламя, в осанке появилось что-то неуловимо опасное. Пальцы выплели руну боевого заклинания: движение — и из леса донесся вскрик.

— Одним меньше, — хмыкнула Мари, готовясь к следующей атаке.

Трауш уже не следил за ней. На него надвигалось трое взявшихся словно из ниоткуда мужчин самого злодейского вида. Судя по притоку истинной силы, появились они из портала, а значит — это не спонтанное решение местных разбойников ограбить парочку зазевавшихся путешественников, а спланированное нападение.

Первым набросился рослый детина с топором, но Трауш с легкостью отразил удар. Второй попытался оглушить сзади, третий навалился сбоку, размахивая ятаганом. Вновь пронеслась стрела, на сей раз чуть правее.

— Мари, прекращай считать ворон! — огрызнулся Трауш, отпрыгивая в сторону. Сделал подсечку и новый выпад.

Ведьма не ответила, но первый детина выронил топор и схватился за голову. Из его носа потекла почти черная кровь, в горле застрял последний сип. Мари редко оставляла врагов живыми. Трауш крутанул меч, и разбойник с ятаганом рухнул как подкошенный. Тяжеловато ему будет сражаться без правой ноги. Третьему острие вошло прямо в грудь и вышло, окрасившись алым.

— Все! Со стрелком я разделалась!

— Рано радуешься, сомневаюсь, что это все разбойники. — Трауш придавил пяткой отползающего одноногого. — Поведай-ка нам, друг, кто заказчик, и мы тебя отпустим. Слово высокого лорда.

Человек распахнул наивные коровьи глаза и облизал губы, но не успел вымолвить ни слова — изо рта потекла буро-зеленая желчь. Взгляд потускнел, и последний выживший разбойник упал замертво.

Трауш прислушался, но стороннего присутствия не ощущалось. Они одни. Подбежавшая Мари со знанием дела всмотрелась в тело.

— Им кто-то управлял при помощи амулета, — она брезгливо тронула переливающийся синевой камешек на шее мертвеца. — Перед нами типичное магическое вмешательство, по всей видимости, очень сильное.

— А остальными?

Мари обошла каждого на импровизированном поле боя.

— И ими, — подтвердила она.

— Надо бы полюбопытствовать у градоправителя, не специально ли нас атаковали на полпути к городу.

— Думаешь, его рук дело?

— Вряд ли, но спросить лишним не будет.

Только теперь Трауш заметил два домика, стоящих в отдалении.

— Пойдем-ка посмотрим, вдруг сыщется кто-то словоохотливый, но скромный и потому побоявшийся встретиться нас лично.

Спустя пять минут они подошли к первому дому, скособоченному и изъеденному термитами. Желающих напасть не наблюдалось, интуиция молчала. Одинокая ворона прохаживалась по соломенной крыше. Налетевший порыв ветра встрепал челку.

— Не нравится мне тут. Иди первым, высокий лорд, а я покараулю снаружи, — Мари поежилась, вновь становясь изнеженной аристократкой. Поразительно, как ей давались эти моментальные перемены.

Трауш кивнул и тронул дверь. Пахло испражнениями и затхлостью.

Он увидел ее не сразу, лишь когда привык к отсутствию света в доме с заколоченными окнами. Юная рабыня, едва ли справившая совершеннолетие, забилась в угол. В пальцах она сжимала доску. Истощавшая до безобразия, на исхудалом лице ее выделялись только огромные глаза. Одета в изорванное платье, босоногая. Девчонка-помесок, явная беглянка. Она смотрела на лорда со смесью дикого страха и холодной решимости, готовая биться до последнего.

— Я не причиню тебе вреда.

Он медленно поднял руки над головой. Девчонка не успокоилась, но немного расслабилась и даже, кажется, ослабила хват доски.

— Кто ты?

— Сиена, — шепотом, что ветер, ответила она.

Трауш присел рядом с ней, всмотрелся в рабский ошейник на цыплячьей шее. Под тем виднелась запекшаяся кровь. В крови были и ноги, и пальцы с обломанными ногтями. А на запястьях — следы от веревки.

Туманы дотянулись до ее кожи и погладили, успокаивая. Девчонка непонимающе оглянулась; неужели почувствовала их?..

— Ты — рабыня?

— Нет! — резко ответила она, с хрустом расправив плечи.

— Извини, — Трауш пытался быть максимально ласковым. Ему понравилась эта лупоглазая девчонка своей решимостью, ведь немногие смогли бы так далеко сбежать от рабовладельца. — Сиена, держи. — Он достал из поясной сумки монету и протянул ей. — Тебе понадобится.

Девчонка долго изучала золотой перед тем, как взять его, но схватила и крепко сжала в ладони. На секунду ее ледяные пальчики коснулись руки Трауша. В нем кольнуло что-то, смутно напоминающее жалость, но забрать беглую рабыню себе он не мог. В каждой стране свои законы, касающиеся господ и рабов, было бы в высшей степени неразумно вмешиваться в них.

— Шу-у-у, — донесся с улицы взволнованный голосок Мари. — Ты там жив?!

Трауш подмигнул вмиг напрягшейся девчонке, поднес указательный палец к губам и, встав, направился к выходу.

— Здесь нестерпимо воняет, но абсолютно пусто. Пойдем дальше.

* * *

Градоправитель Измаил, худощавый, лысеющий мужчина, болеющий какой-то болячкой,

которая медленно, но верно сжирала его, ходил из угла в угол. На широком лбу выступила испарина, губа была страдальчески поджата.

— Высокий лорд, приношу глубочайшие извинения за случившееся, — завел он знакомую пластинку.

— Вы уже их приносили, и неоднократно. — Трауш лениво отхлебнул кислого белого вина. — Лучшим извинением для меня будет поимка того глупца, который посчитал возможным атаковать мою повозку и остаться безнаказанным.

— Ах, высокий лорд, сжальтесь над несчастным стариком. Если бы я только мог так сразу отлавливать преступников! Заверяю, наши поисковики тщательнейшим образом прочесывают местность. Как только им станет что-либо известно — они оповестят нас по телепатической почте.

— Надеюсь, или же колдуна разыщу я сам.

— Нет-нет, не стоит тревожиться! — Измаил замотал головой. — Виновный непременно будет наказан! Ах, лорд! Какой позор Островам, я до сих пор не могу прийти в себя! В следующий раз вас встретят у границы мои люди.

И он прижал ладони к груди, тем самым выражая глубочайшую степень озабоченности. Все бы хорошо, но беседа длилась второй час, и Измаил то и дело срывался с дипломатии на мольбы о прощении. Всем своим скудным мозгом он осознавал, что если Пограничье вздумает объявить войну — Островам не выстоять. Но Трауш смотрел глубже: пускай атаковали люди, но управлял ими кто-то, связанный с тенями. Лишь теневая магия способна контролировать волю. Ни один колдун, обученный в человеческой академии, не постиг эту способность.

Прямо сейчас Мари отиралась где-то по кабакам, расспрашивая местных о подозрительных личностях, недавно прибывших в город. Почти все здесь за звонкую монету были готовы продать хоть приезжего, хоть мать родную; а уж сдать заезжего колдуна — дело благородное. Закон Островов гласил: «Или ты, или тебя».

Измаил заискивающе глянул на Трауша.

— Не гневайтесь, лорд.

Тот скривился.

— Давайте обсудим обмен, — предложил он.

Это была вторая традиция двух граничащих государств. Раз в пять лет на чужую территорию отправлялись десять мужчин и десять женщин с каждой стороны — с обязательным условием: родить детей от «дружеской» расы. Исполнившие предназначение были вольны либо уйти, либо остаться, и многие люди родным землям предпочитали туманный мрак Пограничья. Что касается теней — те в большинстве своем возвращались домой.

Измаил разом посерел, скукожился.

— Понимаете, лорд, желающих совсем не сыскалось. Не то чтоб ваши края не любят...

— Их боятся, — понимающе перебил Трауш, отставляя бокал с кислятиной, по недоразумению названной вином.

— Именно! К сожалению, нам удалось уговорить всего семерых из двадцати, да и те, скажем прямо, отбросы общества. Я мог бы их нахваливать, но не стану вам врать, ибо слишком уважаю наше přátельство.

Градоправитель от волнения начал усердно расчесывать лысину.

— Измаил, не мне учить вас жизни. Не хотят — заставьте. Напоминаю, что отдаю вам

двадцать здоровых подданных моего государства, не стариков и не детей, не убогих или едва живых. Уверяю, не все они приняли свою ношу добровольно, но я не давал им выбора. Почему вы не можете поступить так же?

Конечно, он слукавил. Каждого отправляемого на Острова осматривали лекари, и сильнейших навсегда вычеркивали из списка для обмена. Чаще всего отдавали больных, или слабых от природы, или тех, у кого была недоразвитость сил, как физических, так и магических. Но с виду-то они казались совершенно здоровыми. Пограничье же принимало к себе всякий сброд. На лицах меняемых читалось все то дерьмо, которым они увлекались на Островах: алкоголь, вредные травы, разъедающие сознание зелья. Ну а девицы вообще как на подбор, каждая вторая — обительница публичного дома.

— Высокий лорд, ах, если бы я мог так легко распоряжаться чьими-то жизнями... Ведь я — обычный малопримечательный человек.

Измаил смахнул пот со лба и заискивающе глянул на Трауша. Тот побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, обитого кожей.

— Тогда отдайте нам тринадцать рабов. Среди них есть занятные экземпляры, а принадлежат они рабовладельцам, иными словами, всему государству. Поставьте хозяев перед фактом: либо они уезжают сами, либо отдают свою вещь.

— Хорошо, — на удивление радостно выдохнул Измаил, отводя масленый взгляд.

Разумеется, он размечтался найти худшее из худшего и всучить под видом качественного товара.

— Единственное условие: коль уж дело стоит за рабами, их выберу я лично. Дайте мне адреса десяти лучших рабовладельческих домов Островов. Завтра же я составлю примерный список кандидатур.

Градоправитель подбежал к столу и уперся в него ладонями.

— Высокий лорд, при всем моем уважении, вы нарушаете уговор! Людей запрещено отбирать даже вам!

— Они — не люди, а товар, — и добил градоправителя спокойной фразой: — Ах да, семерых добровольцев я тоже осматрю.

— Неслыханно! — Измаил стукнул кулаком по столешнице. Звякнула чернильница, стоящая с краю. — Мы дарим друг другу тех подданных, что изъявили желание, а не тех, кого хотелось бы получить нам!

Трауш поднялся, не желая слушать возражений.

— Напоминаю, в прошлый раз вы подсунули нам чахоточного, мало того, что он скончался, не доехав до Пограничья, так еще заразил остальных. Наши лекари потратили уйму драгоценного времени, чтобы привести ваш дар в порядок. Быть может, вы запомнили? А нападение на меня прямо среди ваших чудных краев? Вы бессовестно переступаете через мирный договор и требуете соблюдать какие-то надуманные правила. Где же справедливость, господин градоправитель? Впрочем, не считайте меня обманщиком, вы так же сможете оценить моих граждан перед тем, как они будут отданы вам.

Скандал пятилетней давности еле замяли, ибо леди Марисса, правящая тогда, нешуточно разгневалась и почти собрала войско, но хранители переубедили ее атаковать.

Измаил понуро кивнул, признавая поражение.

Трауш, попрощавшись, вышел из поместья градоправителя на пылающую жаром улицу. В воздухе пахло приторной сладостью, трупной вонью, перемешанной с ароматом ванили. Где-то недалеко готовили выпечку, тут же, в канаве, разлагалось человеческое тело. Лорда

замутило от омерзения. Будь его воля, он бы сжег Острова Надежды вместе со всеми их обитателями.

К вечеру в комнаты, снятые на лучшем постоялом дворе (по правде говоря, отвратном, но других тут не имелось), вернулась рассерженная донельзя Мари. Ей не удалось выяснить ровным счетом ничего, зато, по ее словам, «каждый третий мужлан в этом гадючнике попытался облапать беззащитную девушку».

Трауш рассмеялся.

— А что делали первые два?

— Отвратительно пялились! — Рыжеволосая ведьма скинула с себя пропахшую за день рубаху и осталась в одной нижней сорочке да штанах. Лорда она не стеснялась ни капельки, скорее напротив — дразнила своей точеной фигуркой и соблазнительными формами.

— Не переживай, просто ты обворожительно прекрасна.

Трауш сыто потянулся.

— Без тебя знаю, — фыркнула Мари, стягивая сапоги. Вслед за теми на пол упали штаны. Ведьма, расправившись с сорочкой, бухнулась в постель, укуталась одеялом. Между тем ножка, оголенная до бедра, соблазнительно торчала снаружи. — Все, Шу, проваливай, я валюсь от усталости. Пока некоторые развлекались болтовней с градоправителями, мне пришлось истоптать все ноги.

Мари свела натертые от долгой ходьбы пальчики.

— Может, тебе массаж сделать? — серьезно предложил лорд.

— Разве от тебя дождешься!

Она закатила глаза. Трауш, дернув плечом, мол, было бы предложено, вышел из комнаты Мари и направился к себе.

Следующим утром, с рассветом, он взялся осматривать рабовладельческие усадьбы. Разумеется, хозяева подобрали второсортный товар, и Трауш долго ходил между рабами, заложив руки за спину, рассматривая костлявых мужчин и женщин. Те прятали взгляды, тяжело дышали и нестерпимо воняли страхом.

— Позвольте мне увидеть всех рабов, — потребовал лорд у владельца усадьбы, поигрывающего золоченой тростью.

— Здесь все, — нахально ответил тот.

Градоправитель суетился рядышком, заверяя, что приведены все до последнего — он лично проверял.

— Кого тогда вы прячете за той стеной? — Трауш постучал костяшками по древесине.

Владелец напрягся.

— Никого.

— Разрешите?

Помедлив, тот кивнул. Трауш вышел из зала и, завернув за угол, безошибочно уткнулся в дверь. Надавил на ручку — заперто. Хозяин нехотя (и только после истеричной просьбы Измаила) открыл замок. В продуктовой кладовой на полу ютилось пятеро в рабских ошейниках. Все людской расы, две женщины и трое мужчин. Женщин Трауш забраковал — по всему выходило, что хозяин не желал с ними расставаться просто потому, что они входили в число его любимиц. А вот мужчины оказались занятыми, в них чувствовалась мощь, не погребенная под рабской маской.

— Хотите стать свободными? — обратился он ко всем троим. — Вы сможете завести семью и детей, у вас будет свой дом, живность и все то, что вы заработаете честным трудом.

Более того, в любой момент вы сможете вернуться сюда, если сами того пожелаете.

Мужчины не сомневались ни секунды и синхронно встали с пола, поравнявшись с лордом. Трауш удовлетворенно хмыкнул.

— Благодарю вас за новых подданных. — Он отвесил полушутливый кивок хозяину усадьбы. — Измаил, пойдете дальше?

В следующем доме опять пришлось требовать показать весь товар, а в итоге Трауш забрал одну ведьму-ави и двух массивных северных рынди, женщину и мужчину. Третья усадьба не порадовала ничем, в четвертой нашелся всего один приличный раб. Мимо пятой Измаил порывался проехать, но Трауш приказал извозчику остановиться.

— Насколько я наслышан, тут продают экзотов? — спросил он градоправителя, хотя прекрасно знал ответ.

Тот побледнел и промокнул вечно потный лоб платочком.

— Я не договаривался со здешним хозяином, как-то... запомнил.

— Сможете договориться сейчас?

Возможно, предыдущие лорды назвали бы Трауша наглым мальчишкой, ходящим по острию меча. Градоправитель вполне мог отказаться, более того, разорвать с Пограничьем мир, сославшись на придирчивость и недоверие. Но Трауш объективно оценивал силы своей армии, наделенной магией и искусством боя, и армии, состоящей из жалких рабов и продажных наемников. В последние десятилетия некогда богатые Острова обнищали, потому в интересах градоправителя было сохранить нейтралитет и не лезть со своими обидами.

В общем, Измаил появился в воротах спустя полчаса ожидания и пригласил Трауша внутрь. Ха! Даже если хозяин усадьбы кого-то и припрятал (а он наверняка так поступил), то стоящие в шеренгу рабы были как на подбор: хороши, сильны и здоровы. Трауш без особых раздумий выбрал оставшихся шестерых «добровольцев».

— Теперь посмотрим тех, что согласились ехать сами? — доброжелательно предложил он градоправителю.

Измаил устало отмахнулся, мол, делай что хочешь.

— Я созову их к себе после обеда.

Что ж, двое Траушу приглянулись, четверо выглядели непримечательно, но и отказать им было не за что — с виду опрятные. А вот последний никуда не годился. Женщина с язвами во все лицо как-то не вызвала доверия, к тому же она безостановочно кашляла кровью. Трауш покачал головой, Измаил понятливо кивнул.

— Будем дальше рассматривать рабынь?

Но Трауш потер виски.

— Завтра, сейчас я вынужден отлучиться.

Если честно, он зверски вымотался. Полдня использовать чутье на полную катушку невероятно тяжело даже для лорда. Трауш пошатывался. Его единственной мечтой была горячая ванна и, может быть, симпатичная официантка с постоянного двора, которая помассировала бы спинку.

Он вышел на улицу и побрел по дороге, часто дыша. Силы были на нуле, если бы прямо сейчас кто-то надумал напасть на лорда, неважно, профессиональный разбойник или обычный хулиган, Трауш бы не отразил атаку. Он прекрасно понимал это и старался ничем не выделяться среди прочих жителей.

На центральных улицах особо сильно пахло разложением. В клетках у дороги заживо гнили беглые рабы. Одному, еще живому, но уже неспособному подняться, ворона выклевала

глаз, а люди проходили мимо тошнотворного зрелища как ни в чем не бывало. Трауш остро ощущал вонь, исходящую от полумертвого тела.

В следующей клетке бился о прутья ребенок, молящий выпустить его.

— Я больше не буду убегать! — на ломаном диалекте вопил он. — Пожалуйста, выпустите! Я сделаю все!

Его никто не слышал.

А в третьей клетке... Трауш удивленно остановился. В третьей клетке, подогнув колени к груди, лежало нагое женское тело. Загорелая спина кровоточила свежими ранами от кнута. Правая рука была неестественно выгнута. В темных, что смоль, волосах запеклась кровь. Но женщина находилась в сознании и смотрела куда-то вперед невидящими голубыми глазами, что-то шепча себе под нос. Она бредила, отчаянно не желая расставаться с жизнью.

Беглянка по имени Сиена не спаслась...

Трауш сморгнул. Все разумное в нем умоляло поскорее принять долгожданную ванну. Но он развернулся и поплелся обратно к градоправителю, шатаясь сильнее прежнего. И вместе с ним вернулся к клетке с молодой рабыней.

— Двадцатой я заберу ее. — Кивнул на окровавленное тело.

Измаил покосился на лорда как на умалишенного, но спорить — не будь дурак — не стал.

— Я прикажу отпереть клетку.

На том и порешили. Тем же вечером Трауш послал телепатический сигнал в Пограничье, прося выехать двадцатку выбранных для обмена, а также трех лекарей и нескольких воинов для защиты делегации.

Умирающую рабыню было негде оставить, кроме как принести в свою комнату и вызвать ей местного целителя. Когда Мари увидела полумертвое существо, наконец-то потерявшее сознание, она непонимающе вытаращилась.

— Это что такое?

— Пока не знаю, — не стал врать Трауш, — но чутье подсказало мне выбрать именно ее.

— Твое чутье сдает, Шу. В наши земли мы доставим дурно пахнущий труп, — предрекла Мари, уже выходя. Весь ее вид выражал крайнюю степень непонимания.

— Посмотрим, — ухмыльнулся Трауш, оглядываясь на сомнительное приобретение.

«Крепись, найденьш, — подумал он. — Твое дело маленькое — выжить».

Словно почувствовав мысли лорда, женщина еле слышно застонала.

Красивее дома было не сыскать на всей улице Роз. Белокаменный и украшенный лепниной, балконы второго этажа подпирали тончайшие колонны, вход охраняли две львиные статуи. В неестественно зеленом саду росли диковинные растения из самых разных уголков мира. В детстве больше всего я любила яблони, те, что раскинули свои ветви на заднем дворе и касались листвой окон моей спальни. В период цветения они бесподобно пахли, и я всегда держала окна нараспашку, впуская в комнату аромат лета и свежести.

К сожалению, яблони выкорчевали, когда у братца обнаружилась аллергия на пыльцу. Мне тогда было до слез обидно, но ради любимого сына мама без жалости избавилась от деревьев. Теперь на их месте росли жасминовые кусты, к вонючим из которых аллергия братца оказалась равнодушна.

Вот уже две недели эти стены служили мне тюрьмой. Матушка поселила меня в комнату детства, впрочем, изменившуюся до неузнаваемости. Оказывается, игрушки и одежду она выбросила, когда я исчезла, дескать, чтобы не бередить старую рану; и моя спальня стала непримечательной гостевой комнатой с односпальной кроватью, комодом, часами в позолоченной раме, напольным зеркалом, шкафом и скучным пейзажем на стене.

— Будь как дома, — сказала мама, когда повозка въехала во двор, и уже тогда мне стало смешно. Очевидно, что я могу быть «как дома», но не дома в прямом этом смысле.

И точно. Здесь все подчинялось расписанию, установленному матушкой: приемы пищи, чтение книг, даже прогулки в саду. Пойти гулять или поесть во внеурочное время я, конечно, могла, но под шепотки прислуги и недовольство Ленеvры Рене.

— Какая же ты своенравная, — качала она головой, если я удумывала посидеть в тени дуба в полдень.

Никаких бесед, кроме светского обсуждения погоды и городских сплетен, она со мной не вела. Даже не полюбопытствовала о руне на руке — хотя видела ее и разглядывала ну очень пристально. Каждый завтрак, обед и ужин меня подмывало сказать: «Да-да, мама, я обручена с лордом Пограничья», — и дожидаться ее реакции, хотя, думаю, Ленеvра бы просто пожалала плечами и посоветовала отведать пудинга.

Разумеется, существование дочери в рабстве ее тоже не заботило: она не спрашивала, а я не отвечала.

Служанки глядели на меня искоса: и когда заплетали утренние косы, и когда прибирались в спальне, и когда несли десерт. Меня снедало одиночество. Как дикий волк, оголодавший после зимы, оно рыскало рядом и, когда дотягивалось, рвало на части. Туманы исчезли, бессильные против подавляющего ошейника. Кроме того, со дня приезда мне не снился Трауш. Совсем. И я, стыдно признаться, уже забывала ноты его голоса и запах его волос.

Как он там, мой будущий супруг? Ждет ли он меня?

Руна на руке поблекла, но не стерлась; значит — ждет.

Я спасалась чтением. В библиотеке высились полки с тысячей самых разных рукописей на всех языках и диалектах. Справа — сказки и легенды, слева — наука, история, на самом видном месте — магические трактаты, десяток из которых написаны лично матушкой. Я брала книгу, гладила ее по переплету и, если в душе ничто не сопротивлялось, шла или в сад (если то было дозволено), или в спальню. Порой мне наскучивало после десятка страниц, и

тогда я искала что-нибудь другое. С книгой как в жизни: если история не завоевала тебя с первых строк, то для чего продолжать чтение? Зачем держаться за наскучивших людей и прозябать в ситуациях, от которых тошно?

В один из тоскливых вечеров ко мне наведалься братец. Вообще он работал где-то при министерстве на не последней должности и в отчем доме бывал редко, но тут ради встречи с сестренкой уделил свободный вечерок и застал меня врасплох, сидящую на подоконнике и свесившую ноги наружу.

— Сольд? — Голос был пискляв и малопрятен.

Я вгляделась в закатную мглу.

— Рейк?

Он появился из-за угла дома, похожий на упыря из бардовских песен, и встал, освещенный свечами. Тощий и высокий, лицо его было болезненно-бледным и вытянутым, волосы свисали немывтыми паклями. Глаза узенькие, губы пухлые — можно сказать, я уродилась красоткой, раз уж единокровный братец столь неприглядный.

— Привет, сестра! — выглядел он то ли испуганным, то ли не до конца верящим, что я вернулась.

Я спрыгнула с окна на траву и горячо обняла брата. Тот, подумав, сжал меня в быстрых объятиях. Потом боязливо тронул пальцем ошейник.

— Больно?

— Не-а. Ты, говорят, трудишься в министерстве?

— Пятым помощником при великом казначействе, — Рейк горделиво выпятил грудь.

Пфи, всего-то пятым? По словам мамочки, его назначили если не первым, то хотя бы вторым. Да, братцу не досталось ни материнской хватки, ни ее же красоты, ни отцовского обаяния. И чем больше мы общались, тем сильнее я в том убеждалась. Любимый мамин сын оказался крайне посредственным, разговора завести не мог, а когда терял нить беседы, начинал глупо мямлить и перебирать волосы между пальцами.

Мама просто обожала Рейка. Каждый раз, когда он навещал нас, она не отходила от сына ни на шаг и ежеминутно поминала о его гениальности, а мой давно не маленький брат ей верил. Она выбирала ему в миске самый лакомый кусочек, вытирала капельку грязи у краешка рта и называла не иначе как «солнышко мое». Меня тошнило от их ласк.

Если в деле о собирательстве и были сдвиги, мать мне не рассказывала. Бежать я не пыталась, а смысл? Лучше уж дожидаться вердикта и плясать от него, чем в итоге оказаться отловленной за ближайшим поворотом. Так я и жила бы в полнейшем неведении, если бы в наш дом не пожаловал гость.

Я встретила с ним за завтраком, и он не понравился мне с первого взгляда. Маг, и наверняка темный; воздух около него пах сладостью и гнилью. Жиденькие волосенки он зачесывал набок, кожу покрывали рытвины и застарелые оспины. Между тем маменька, одетая в плотно облегающее бирюзовое платье, ворковала с ним как с кем-то необычно привлекательным. Я прокашлялась, застыв на пороге столовой.

Гость обратил взор в мою сторону.

— Неужто это ваша дочь? — проскрежетал он с плохо скрываемым восторгом.

Матушка как-то сразу сникла и хмуро кивнула. Ну да, комплимент, пусть и завуалированный, да не ей. Незнакомец бодренько вскочил и подлетел ко мне. Он горбился, потому был ниже меня на голову. Рука с туго обтянутыми кожей пальцами устремилась к моей ладони. Я отдернулась.

— Сольд, как ты себя ведешь! — не выдержала матушка. — Поздоровайся с господином Розеншалом!

Так вот как выглядит тот самый господин. Я отвесила неуклюжий поклон, но ладони словно невзначай спрятала за спину.

— Доброе утро, — сказала без улыбки.

Он пожирал меня настолько жадным взглядом, что захотелось убежать в свою комнату и спрятаться под одеяло.

— Я много слышала о вас.

— А я о вас, к сожалению, ни слова. — Он с укоризной обратился к матери: — Где же вы прятали вашу очаровательную дочь?

— Она... была похищена какими-то уродами, которые потребовали неподъемный выкуп, — нашла матушка после секундного замешательства, — но даже после оплаты драгоценными камнями не вернули мне ребенка, и я уже не чаяла застать ее живой. А тут закрутилась история с академией, ох, ну вы слышали. Теперь до окончательного решения совета Сольд находится под моим присмотром, будто я какая-то тюремщица.

Голос Ленеvры дрогнул. Гладко стелешь, мамочка, да верится с трудом, что ты передала кому-то в обмен на меня хоть монетку, хоть ржавую, хоть погнутую.

Тем утром я, два месяца назад исключенная из академии, вышла на улицу, уж не помню с какой целью. Забылось и лицо существа, которое схватило меня в охапку, одурманило разум тряпичей, резко пахнувшей зельями, и продало на Островах Надежды в рабовладельческий дом Шата. Для семьи дочь-недоучка стала обузой, чего матушка потерпеть не смогла — потому, думаю, она заказала мое похищение. И я более чем убеждена, что никакого выкупа у нее не просили.

— Конечно же, сия байка на слуху у всей столицы. Если передо мной юная собирательница, я готов сложить горы к вашим ногам, только бы иметь приватную беседу с ней. Возможно, вы позволите нам переговорить по душам?

— Вполне, — улыбнулась матушка, поднимаясь. — Мне пора на поклон к его величеству. Сольд, поухаживай за господином Розеншалом как он того заслуживает.

С этими словами она вышла из столовой и прикрыла за собой двери. Мы остались вдвоем.

— Чаю или кофе? — дрогнувшим голосом спросила я.

Но господин Розеншал словно потерялся во времени и молча смотрел прямо мне в глаза. Я разлила жасминовый (мать помешалась на жасмине) чай по двум чашечкам, подставила тарелку со свежей выпечкой поближе к этому ужасающему мужчине, а тот облизал треснувшие губы желтоватого цвета.

— Вы хотите выбраться отсюда?

Я напряглась.

— Не стану рассусоливать очевидное. Вы интересны мне, и, если согласитесь временно поселиться в моем имении, гарантирую, оковы с вашей шеи спадут, а все обвинения будут сняты раз и навсегда. Поверьте, моего могущества хватит на такую малость, как умасливание совета, — а следом добавил, отщипнув кусочек от булочки с корицей: — Клянусь, я не коснусь вас и пальцем.

— Что вам нужно?

— Я возьму образцы вашей крови, да и просто пообщаюсь с живой собирательницей, коих пока не доводилось лицезреть. Поймите, что бы ни решил совет, он не оставит вас в

покое. А мне искренне жаль столь юную и симпатичную особу, которая навсегда наденет их магические кандалы.

— Я не...

— Вы — собирательница. Соглашайтесь, Сольд. Давайте заключим контракт, коли вы боитесь быть обманутой.

Пусть он и предлагал покинуть дом, где я не была кому-либо нужна, и именно к нему я приехала в столицу, но уйти вот так запросто с опасным магом...

Я отказалась, а он не сильно огорчился, лишь сказал:

— Золотце, я умею убеждать.

И, мазнув мое запястье холодным поцелуем, удалился. Может, стоило спросить его про Дарго, да только как?

— О чем вы говорили? — спустя минуту или две в столовую вошла матушка, остановилась у стола.

Понятно, ни к какому королю она не ходила — ждала окончания разговора.

— Господин Розеншал был рад встрече с собирательницей, — не соврала, но и не договорила всю правду.

— И только?

— Да. — Я посмотрела прямо в глаза Леневре.

Мать покивала, но во взгляде ее появилось нечто, что нешуточно испугало. Не то ревность, не то глубочайшая обида. Но из-за чего?.. Из-за того, что я смогла чем-то заинтересовать темного столичного мага?

Вечером нас навестил братец, и за ужином мать, разрезая кусок мяса, будто бы невзначай сказала:

— Представляешь, Рейк, твоя сестра увлекла господина Розеншала.

— Да? — Он отложил вилку с ножом. — И почему?

— Вроде как из-за ее способностей, — в голосе звучала неприкрытая ухмылка.

— Ясненько, — пробубнил брат и вновь замкнулся в себе.

Их короткий разговор был странен хотя бы потому, что никогда до сего момента эти двое не обсуждали за столом меня.

Я ушла спать сразу после десерта, не желая быть молчаливой слушательницей семейной болтовни. Луна скалилась в окно, и лучи ее бесстыдно ощупывали тело, одетое в сорочку. Я сидела на подоконнике, когда за спиной донеслись шорохи. В дверях спальни стоял Рейк, мнуший край своей жилетки.

— Сольд, убирайся отсюда, — без предисловия заявил он. — Срочно!

Я спрыгнула на пол, накинула на плечи халат. Брат мерил комнату широкими шагами, а дыхание его было хриплым и взволнованным.

— Матушка планирует проводить на тебе эксперименты, — выдал он после долгой заминки. — Тебе нужно бежать, понимаешь?

Его вспотевшие руки коснулись моих. Мы так и стояли в тишине: я, словно забывшая, как издавать звуки, и он, нервно облизывающий губы.

— Куда? — только и спросила я.

— Идем!

Он не отпустил моего запястья, и я едва поспевала за его быстрым шагом, пока мы неслись по коридорам засыпающего дома. По пути нам никто не встретился, ни одна живая душа. Брат отворил входную дверь связкой своих ключей, ими же открыл ворота и

подтолкнул меня вперед, нетерпеливо озираясь. На дороге стояла бричка для двоих пассажиров.

— Ты еще поблагодаришь меня, сестренка, — пробормотал братец, впихивая меня туда.

— Здравствуйте, золотце, — услышала я скрипучее. — Поверьте, так будет лучше для всех. С Леневрой я все обсужу, как и с советом.

А были ли правдой те эксперименты, о которых обмолвился Рейк? Душу терзали сомнения, в грудной клетке поселился страх. От близости господина Розеншала волосы на затылке шевелились, сердце колотилось испуганно и прерывисто. И все-таки я благодарила брата за помощь в побеге. Теперь осталось одурачить господина Розеншала и скрыться в Пограничье.

— Разрешите мне отправить письмо жениху? — осторожно спросила я, вслушиваясь в мерный цокот лошадиных копыт.

— Разумеется, золотце. Негоже заставлять лорда мучиться незнанием.

Страх чуть отступил. Так, освещаемая золотым светом луны, я и уехала в имение по улице Липовой.

* * *

Господин Розеншал лично сопроводил меня до комнаты и, сославшись на неотложное дело — в полночь? — удалился, так и не показав всего дома.

Зато моя новая спальня была совершенна. Выполненная в лиловых тонах, очень нежная и воздушная, полная приятных девичьему сердцу мелочей: зеркальце в серебряной раме, полный шкаф нарядов (между прочим, все будто сшитые на меня), взбитые подушечки на кровати, укрытой шифоновым балдахином.

На туалетном столике были расставлены духи и косметика, лежали расчески и гребни, в ящичке нашлось столько украшений, что мое сердце на секунду дрогнуло. Да, я любила драгоценности, как и почти любая женщина, особенно та, которая была обделена всей этой роскошью. Будь моя воля, я бы увесила уши серьгами, а на пальцы нацепила какое-нибудь колечко (моего, к слову, размера), но не предназначена ли вся эта красота для другой женщины?

Впрочем, для кого и почему тогда оно идеально подходит мне?

Сердце екнуло. Что, если господин Розеншал предусмотрел все заранее, и сейчас я не освободилась от плена, а добровольно перебралась в другую клетку?

Нет, ерунда, он ведь не видел меня до сегодняшнего дня. И вообще, это я приехала в Янг из-за него, а не наоборот. Не нужно поддаваться панике. Завтра же опрошу слуг про Дарго, и, возможно, мне повезет найти его или разузнать, где он может находиться. Ну а дальше дело за малым: сбежать от могущественного темного мага и уехать к Траушу.

Полная переживаний, я завалилась спать, а проснулась от ругани, доносящейся с первого этажа.

— Сейчас же пропустите меня! Я — ее мать! Вы ее выкрали! Подонок!

Ответа я не расслышала, но Леневра Рене (а это была, конечно же, она) продолжила:

— Да как вы смеете говорить мне, мне, верховной советнице, что лучше для моей дочери?!

За окнами давно рассвело, задорное рыжее солнце прочно угнездилося над горизонтом.

Я осторожно вышла из спальни и прокралась к лестнице, глянула вниз. Моя матушка носилась по холлу, и воздух вокруг нее искрился от магии. Ход к ступеням преграждал ссутулившийся господин Розеншал, столь спокойный, будто перед ним не бесновалась сильнейшая колдунья воздуха.

— Леневра, успокойтесь. Совет дал мне разрешение на переселение Сольд в мою скромную обитель. Поймите, я помогу ей.

— Все мы знаем, что вы сделаете. — Она ткнула ему пальцем в грудь. — А совет... да они такие же помешанные, как вы! Я не позволю! Только не мою дочь! Не так, только не так!

— Леневра, никто не причинит вашей дочери вреда. Она — уникальный экземпляр.

— Нет!

Внезапно она рухнула перед ним словно подкошенная и начала задыхаться.

— Леневра, давайте освежимся, вы взвинчены из-за пустяков. — Темный маг поднял ее за подмышки. — Не заставляйте меня применять силу.

Мать вдруг кивнула и пошла вслед за ним к выходу. Я долго стояла, прижимаясь к стене, совершенно не понимая, что произошло. Почему мать хотела забрать меня: из благих побуждений или недовольная потерей игрушки, над которой, как выразился брат, можно ставить опыты? Кому из них, матери или господину Розеншалу, можно доверять?

Думается, никому.

Я рискнула осмотреться. Первое, что бросалось в глаза, — полная пустота, будто трехэтажный особняк вымер. Здесь было чисто и относительно уютно, но не сновала прислуга, не бранилась кухарка. Не было вообще никого и ничего. Но более всего меня пугал запах, сладковатый, как пахла недавняя смерть. Или мне так казалось? Уж больно много тут росло белых лилий, во всех залах и комнатах, коридоре и лестнице, в каждой вазочке стояла веточка. Возможно, все дело в них.

Я вернулась к себе, но не успела даже причесаться — в дверях показалась худенькая служанка неопределенного возраста. Лицо ее было землистое, а взгляд пустой. В руках она вертела лист бумаги.

— Пройдите завтракать, госпожа. И вот, это вам.

Она скрылась быстрее, чем я успела хотя бы поблагодарить.

«Сей скромный гардероб принадлежит вам, посему выберите любое платье. Также не отказывайте себе в украшениях и любых других мелочах. Вы — дома».

Я заглянула в платяной шкаф, провела ладонью по мягкой ткани. Мне приглянулось платье в пол из синего шелка, лиф которого украшала сапфировая брошь — если уж быть пленницей, то не отказывая себе ни в чем. Волосы уложила в косу, прыснула духами (чуть приторными) на запястья, за ушами и направилась в столовую.

Мой спаситель уже занял место во главе стола из красного дерева. Мне предназначался стул с противоположной стороны, и я с удовольствием заняла его. Куда спокойнее находиться напротив господина Розеншала, а не подле него. Третьим гостем за завтраком стал Рейк, нервно складывающий салфетку.

— Вы очаровательны, золотце, — господин Розеншал причмокнул губами. — Как вам ваша комната?

Я склонила голову в благодарственном поклоне.

— Она замечательна.

Одобрительный кивок.

— Ваш брат хотел с вами обсудить нечто важное, не так ли?

Рейк скомкал салфетку и отбросил ее в сторону.

— Сольд, я вынужден просить у тебя прощения. — Он встал так резко, что уронил свой стул, и, не обратив на это внимания, подошел ко мне.

— За что? — Я непонимающе хлопала ресницами.

— За все! — обреченно простонал брат и вдруг упал передо мной на колени. — Сольд! Тогда... три года назад... я продал тебя рабовладельцам.

Господин Розеншал преспокойно намазывал булочку маслом, а брат уткнулся носом в мой живот и разрыдался, как маленький. Спина его сотрясалась, сам он безостановочно всхлипывал. Я машинально провела рукой по жирным волосам, напрягла слух.

— Рейк, ты...

— Да, продал! — Он глянул на меня покрасневшими глазами, высморкался и вновь ткнулся в мой живот. — Когда тебя выгнали из академии, мама стала проявлять к тебе слишком... много внимания, она читала книги, ездила к лекарям и ученым... она хотела вернуть твои силы и совсем забыла обо мне.

Он слюнявил мое платье, тихонько подвывая. Я словно окаменела. Моя неприступная холодная мать хотела помочь? Быть того не может, разве что ею двигали собственные интересы.

— Я запросто нашел наемника, даже попросил, чтобы тебя не обижали, — продолжил брат опечаленно. — Мама, конечно, переживала, но я признался ей во всем, и она простила меня. Мы прекрасно жили все эти годы, пока вновь не появилась ты.

Ха! Он попросил не обижать меня. Перед глазами за секунду пронеслось все то, что творили хозяева: их пальцы, зубы, плети, бичи. Руки до боли сжались в кулаки. Я обещала себе никогда не вспоминать об этом, но не могла — картинки лезли одна за другой.

— Рейк, но почему?.. — сквозь туман в голове спросила я.

— Ты во всем лучше, ты красивая и умная. Мама должна любить меня, понимаешь? Всем будет лучше, если ты исчезнешь, но я больше не желаю тебе смерти. Ты хорошая, Сольд, ты была добра ко мне, считала меня братом. И когда мать заговорила об интересе господина Розеншала, — он быстро глянул на безмятежного мага, который будто бы и не слышал страстного монолога, — я усмотрел в этом угрозу. Она хотела что-то сделать с тобой! Она... Сольд, мама завидует тебе. Нет, не завидует — опасается. Ты сильная, можешь стать даже сильнее, чем она. Ты — собирательница. Я тотчас поехал к господину, как же здорово, что живет он так близко от нас, и попросил его защитить тебя.

— Я без промедления согласился, золотце, — хозяин дома улыбнулся.

— Извини меня, — повторил братец глухо.

Легко попросить прощения, но разве я могла простить его? Как стереть из памяти все то, что было сотворено из-за эгоизма одного мальчишки, которому казалось, что мать любит его недостаточно крепко? Как легко ему далась эта фраза — будто извинился за испорченный вечер. Он, видите ли, рассказал все матери — и думать забыл о сестре, сгубленной на Островах.

[Купить полную версию книги](#)